

ВИКТОР СКОРНЯКОВ

ДВЕРЬ С ФОКУСАМИ

ПРАВДОПОДОБНЫЕ
И
НЕПРАВДОПОДОБНЫЕ
ИСТОРИИ

Ам-Издат
Нью Йорк 1976

ВИКТОР СКОРНЯКОВ

ДВЕРЬ
С ФОКУСАМИ

ПРАВДОПОДОБНЫЕ
И
НЕПРАВДОПОДОБНЫЕ
ИСТОРИИ

Ам-Издат
Нью Йорк 1976

D O O R W I T H T R I C K S

Plausible and implausible short stories

Copyright © 1976 by VICTOR SKORNIAKOFF

ALL RIGHTS RESERVED

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

COMPOSED ON VARITYPER BY:

V. SKORNIAKOFF, 221 GLEN COVE AVE., SEA CLIFF, N.Y. 11579

I

Правдоподобные истории

ПАННА ИРЕНА

Жара выдалась в тот майский ясный день ранняя, не весенняя. Песок загородного пляжа, где мы загорали, был бел и горяч – глазам было больно смотреть. От времени до времени земля вздрагивала от далеких взрывов. В воздухе чувствовался слабый запах гари. Похожие на гигантские деревья, клубы густого черного дыма уже несколько недель стояли над северо-западной частью города, упираясь кронами в потемневшее небо – там догорало варшавское гетто.

Панне Ирене было всего восемнадцать лет, личико у нее нежное, детское и только в уголках рта ложатся горькие неребьячские складки. Я в нее влюблен и забыл все на свете.

"Я безумно боюсь беспощадного плена ваших черных прекрасных волос", – напеваю вполголоса, перевирая Вертинского. – "Я влюблен в ваше тонкое имя – Ирена..."

– Ах, перестаньте, – отмахивается она. – Слышите запах гари?

– Это оттуда, панна Ирена. Из гетто. Удивительно как далеко ветер заносит.

– Этот запах не дает мне покоя, – говорит она потускневшим голосом. – Когда подумаю, что там творится, мне становится зябко на душе. И... страшно. Страшно за себя, за всех нас. Как это мы можем спокойно греться на солнышке, смеяться и шутить, когда там?..

– Все равно мы ничем не можем помочь.

– Вот это и страшно. Ведь в случае чего, – в ее взгляде мелькает испуг, – ни вам, ни мне тоже никто не сумеет помочь. А люди будут дальше греться на солнце и наслаждаться жизнью. Разве не странно устроен мир?

В рощице рядом щебечут птицы, в траве стрекочут кузнечики. Размаривает лень, точно к рукам и ногам привязаны гири.

Кидаемся в реку. В желтоватой прохладной воде Вислы нет приходу от купальщиков — кругом визг, гогот.

После купания зарываемся поглубже в шелковистый рыхлый песок, точно страусы, прячущие головы, чтобы не видеть опасности, и стараемся не глядеть в сторону города. В щелочку прищуренных глаз нам виден лишь ломтик ясного неба над полем да синяя кромка леса вдали.

* * *

Был у меня тогда приятель в Варшаве — пан Весоловский, веселый шумливый парикмахер с пучком редких волос на голове и длинными костлявыми руками. Заведение его помещалось в полуподвальчике на Мокотовской улице, в том же доме, где жила панна Ирена с матерью. Парикмахер он был не ахти какой, но зато у него можно было узнать последние новости лондонского радио, цены на черной бирже, да еще можно было получить мыло и мармелад для перепродажи среди знакомых.

В войну всех нас обуял бес черного рынка. Бывшие чиновники, учителя, адвокаты торговали из-под полы дамским бельем, косметиками, колбасой. За столиками в "кавярнях" продавалось и покупалось золото и доллары. Жены бывших сановников, полковников и земельных магнатов ездили в деревню за салом и продавали его на базаре. В ваннах панских особняков гнали самогон "бимбер", а в кухнях выпекали торты "мокка" и пирожки для продажи на лотках.

В задней комнате у пана Весоловского лежали, сложенные как поленья, бруски липкого как глина мыла, и стояли кадки с мармеладом из бураков.

— Торговля это дело ответственное, пан студент, — сказал он однажды, отвешивая мне мыло. — Это вам не стишки кропать. Признайтесь, наверно маракаете? А?

Помявшись, я признался в грехе.

— Я же вас насквозь вижу, — подмигнул он. — Что касается меня, я признаю только те стишки, которые военные инвалиды распевают на улице:

"Секира, мотыга, мяч, забава,
Тревога ночью, днем облава.
Секира, мотыга, липа, базар.
Войну продул дурак маляр."

— А ведь Гитлеру действительно скоро капут, — продолжал он. — Есть у меня верные сведения: еще месяц или два и союзники займут Берлин. Польша опять возродится могучая, великая, от моря до моря. . .

В подвальчике пана Весоловского я и познакомился с панной Иреной. Она обновляла свой запас мармелада для продажи, я — мыла.

* * *

В тот наш последний день мы возвращались с загородной прогулки заблаговременно, чтобы успеть домой до полицейского часа. На вокзале мы должны были пройти мимо жандармов в яловито-зеленых мундирах, с автоматами — "распылителями", т.е. пульверизаторами, как их окрестила варшавская улица — в руках. При виде немцев панна Ирена вся как бы сжимается в комочек.

— Не могу спокойно смотреть на эти мундиры, — шепчет она. — От одного их вида меня мутит. Однако, как быстро промелькнул день. Жалко! Так хочется задержать время, растянуть каждую минуту. Почему-то мне кажется, что время вот-вот станет. . . И больше ничего не будет.

В городе пыльно и шумно. По мостовой носились велосипедные "рикши", звонили трамваи. От главного вокзала до Мокотовской рукой подать, и мы решили идти пешком.

— Папа рассказывал, что как только немцы вошли в город, у него появилось странное чувство обреченности, — сказала она. — Вдруг все устои рушились. . . и человек как-бы повис в воздухе. Вы же знали моего отца?

Как я мог его забыть? Ее отец был деканом юридического факультета нашего университета и погиб в Освенциме. Однако, в самом начале оккупации я еще успел сходить к нему на дом за подписью в моей зачетной книжке.

* * *

. . . Помнится — развалины тогда еще дымили после бомбардировок. Уцелевшие здания стояли подслеповатые, с заколоченными фанерой окнами. По заваленным горами щебня и кирпича улицам, осторожно обходя воронки от бомб и развороченные трамваи, сновали серые толпы уцелевших жителей. Среди них уверенно печатали шаг эсэсовцы с изображением мертвой головы на лихо заломленных фуражках, и щелкали фотоаппаратами.

Террор только начинался. Еще гестапо не хватало прохожих на улицах, но уже стало арестовывать по домам бывших общественных деятелей, журналистов, профессоров, ксендзов, заполняло лагерь польской интеллигенцией. О гетто, газовых камерах тогда еще никому не снилось даже в самых кошмарных снах, но на нашу жизнь уже ложилась тень грядущих испытаний.

Профессор Рыбицкий занимал квартиру в большом нетронутом бомбами доме на Мокотовской. Когда я позвонил у входа, мне со страхом открыл дверь осунувшийся старик, мало похожий на уверенного в себе элегантного лектора, каким он запомнился мне по лекциям.

Увидев меня, он вздохнул с облегчением.

— Вот что значит жить в исторические времена, — сказал он, жалко улыбаясь. — Когда вокруг с грохотом рушатся целые государства, малейший стук в двери может испугать до смерти.

Профессор охотно подписал мне справку. Услышав далекое завывание жандармской сирены, он побледнел.

— Вот он, шум новых жестоких времен! Конечно, оно гораздо приятнее копаться в архивах и изучать исторические события, чем самому испытывать на себе их тяжесть.

* * *

... В тот день, когда после загородной экскурсии мы подходили к ее дому, я — в который раз — признался панне Ирене в любви. Затем спросил, нельзя ли зайти к ней с официальным визитом? Ее мать меня совершенно не знала.

Панна Ирена пытливо посмотрела мне в глаза.

— Мы испытали столько зла от людей, что мамочка избегает новых знакомств. Кроме того, у нас живут дальние родственники и в квартире очень тесно. Но я попытаюсь убедить маму, что вы не такой как все, что вы поэт и вообще не от мира сего. Приходите завтра пополудни. Развлечете ее, а то, знаете, с того дня, как забрали папу она ходит, точно неприкаянная.

Панна Ирена опять горько скривила губки, словно собираясь заплакать.

— Ему дали всего пять минут на сборы. Подгоняли прикладами: "Лос, лос!" Грузовик — "буда", куда его втокнули, уже был полон арестованными, и у всех лица были белые, как у мертвецов. На улице собралась толпа зевак, точно слетелся рой мух, почуя падаль. Мы с мамочкой смотрели в окно, плакали, но ничего не

могли поделаться. Хотелось кричать, звать на помощь, но мы знали, что никто не может помочь. Вслед за грузовиком ехал автомобиль с гестаповцами. Из их машины во все стороны торчали дула автоматов-распылячей. У солдат были равнодушные, похожие одно на другое лица. Казалось, что в гестаповском автомобиле засело какое-то многоголовое зеленое чудовище — паук не паук, спрут не спрут — и шевелит стальными щупальцами-дулами. С тех пор меня мутит от одного вида зеленых мундиров. Мне кажется, что от них несет мертвечиной.

В окнах "кавярни", мимо которой мы проходили, мелькали завитые по последней моде головки дам, разодевшихся в свои лучшие наряды. Мужчины щеголяли в длинных, как раз входивших в моду пиджаках. Официанты в белых кителях носились с подносами. Там веселились удачливые торговцы, чернорыночники, военные миллионеры. Где-то раздавались глухие хлопки и нельзя было разобрать, стреляют ли это в гетто, или хлопают пробки от шампанского в ресторанах.

Прощаясь с панной Иреной на лестнице, я нагнулся и поцеловал ее в горячие мягкие губки.

— Кохам тебе, — шепнул я. — Люблю тебя!

— Ах, не надо, — ответила она, обжигая мне губы ответным поцелуем. — Значит, до завтра!

Домой я возвращался бегом. Приближался полицейский час и в лиловых сумерках по улицам мчались очертя голову велосипедисты, извозчики, рикши. Запахавшись, бежали запоздавшие пешеходы. На поворотах визжали трамваи с гроздьями пассажиров, повисших на подножках. Вдали, над гетто стояло багровое зарево и на небосклоне нависли черные дымовые тучи, точно надвигалась гроза.

А я летел, точно на крыльях, смеясь и радостно посвистывая. На душе у меня пело от счастья.

* * *

На следующий день в городе опять было тревожно. Ходили слухи об арестах и облавах. То и дело выли сирены полицейских машин и по улицам мчались "буды" в сопровождении гестаповцев на мотоциклах. Говорили, что ищут скрывающихся евреев и хватают молодых людей для отправки на работу в Германию.

А я радостно и легко, как иногда бывает в снах молодости, когда летишь над землей, легкомысленно скользил по тротуарам, бродил по аллеям парка в Лазенках, вдыхал пьянящий запах весны и мучительно подбирал рифмы для поэмы о панне Ирене.

Затем, переписав поэму набело – в ней было все как полагается: о мае, цветах, любви... – я бережно свернул лист бумаги в рулон и, перевязав его розовой тесемкой, выдернутой из занавески, отправился в город с твердым намерением сегодня же сделать панне Ирене предложение.

Сойдя с трамвая возле Мокотовской, я сразу почувствовал, что здесь творится что-то неладное. Прохожие жались к стенам домов, сворачивали поспешно в переулки, или ныряли в подворотни. Мимо нас мчались с воем жандармские машины, трещали мотоциклы. Первым проехал ошетилившийся "распылителями" легковой автомобиль с безликими фигурами в зеленых мундирах и глубоко надвинутых на глаза шлемах. Действительно, ни дать ни взять, какое-то гадкое многоголовое чудовище – паук не паук, полип не полип – выехало на охоту за людьми. Затем прогудела шмелем пустая "буда", а за ней с треском и лязгом промчались два мотоциклиста. На них были зеленые резиновые плащи, точно ожидался дождь, и они боялись промокнуть.

– Слава Богу, пронесло, – сказал кто-то в подворотне, куда я спрятался вместе с другими прохожими. – Интересно, куда это их несет нелегкая?

– Свернули в Мокотовскую, – с облегчением объявил другой. – Можем идти.

Когда я вышел из подворотни, вокруг господствовало кажущееся спокойствие. Улица была залита солнечным светом и в зеленой листве расцветших каштанов радостно чирикали воробышки. Однако, в воздухе чувствовалось напряжение. На углу Мокотовской мне загородила дорогу толпа зевак. "Ах, какая досада, – подумал я. – Видно, опять что-то произошло. И надо же, чтобы как раз сегодня..."

Протолкавшись сквозь толпу, я замер от неожиданности. Перед домом, где проживала панна Ирена, стояли только-что проехавшие жандармские машины. Многоголовое зеленое чудовище вылезло из автомобиля, расплзлось по тротуарам, залезло щупальцами в дом, кого-то там нащупывая, что-то вынюхивая.

– Ищут скрывающихся там евреев, – объяснил кто-то в толпе зевая равнодушным тоном радиокomentатора, передающего новости. – Как обычно, проверяют квартиру за квартирой, комнату за комнатой...

"А как же тогда панна Ирена? – подумал я, не подозревая ничего плохого, – Снова ее напугают, бедняжку".

Тут я увидел в двух шагах перед собой моего парикмахера и поставщика мыла – пана Весоловского. Редкие перышки волос топорщились у него на голове, как у взъерошенного воробья.

Я дернул его за рукав халата.

– А, это вы, пан поэт? – он растерянно глядел на меня. – Подумайте: облава... В нашем доме-облава. Вот несчастье! Евречку вашу забирают.

– Как?... Ка...какую евречку? – пролепетал я, вдруг похолодев.

– Да панну Ирену с матерью... И всех, кто у них прятался из гетто.

Я еще не понимал, вернее, отказывался понимать. Да разве это возможно, чтобы панна Ирена, милая нежная панна Ирена попала таки в лапы зеленого чудовища, которого она так боялась?

– "Фольксдойчи" донесли, которые у нас в доме, – сообщил пан Весоловский, понижая голос. – Вот сволочи! А жалко панну Ирену. Ведь я ей помогал. Тоже ведь мог попасться...

Яркие солнечные лучи, отражаясь в стеклах окон, невыносимо режут глаза. Стою, точно оглушенный обухом и машинально тереблю рулон со стихами, не в состоянии осознать страшную правду.

– Нашли. Ведут, – бесстрастным голосом сообщил неизвестный комментатор.

Все заволновались, стали вытягивать шеи, чтобы лучше рассмотреть, кого там ведут.

Было видно, как из подворотни вышли два солдата, волоча под руки пожилую даму с перекошенным от страха лицом.

– Это владелица квартиры... А теперь ведут ее дочку, – сообщил тот же голос.

Тут я увидел, как из дома вывели панну Ирену.

На ней было платьице пепельного цвета с красным кушачком, кажется, ее самое нарядное. Шла она, выпрямившись и ни на кого не глядя.

– Эге, да их там целая куча, – воскликнул комментатор.

Подгоняя их прикладами, из подворотни выводили людей с изможденными бледными лицами. Когда всех их вывели, из дома вышел офицер СС с дикими глазами и, размахивая пистолетом, заорал:

– Лос! Лос!

Солдаты стали поспешно вталкивать арестованных в "буду".

– Панна Ирена! – кричу я несвоим голосом и кидаюсь вперед.

Однако, пан Весоловский крепко держит меня за локоть.

– Постойте, пан мечтатель, с ума вы сошли? С чем вы против их "распылителей"? С этим рулоном стишков?

– Пустите меня! – лепечу я жалобно. – Что ж это такое? Неужели никто не может помочь? Что делать? Что делать?

С пронзительным воем гестаповские машины трогают с места. Боящиеся дождя мотоциклисты завели моторы и с оглушительным ревом двинулись вслед за "будой".

Когда увезли арестованных, толпа стала рассасываться. Показались попрятавшиеся было в переулках и подворотнях извозчики и рикши. Зрители, довольные, что их не тронули, расходились, обмениваясь впечатлениями, точно после удачного спектакля. Улица постепенно погружалась в свою обычную дрему.

Пан Весоловский пустил мой локоть и заметно повеселел.

– Не унывайте, пан поэт! – сказал он, приглаживая гребешком остатки своих волос на голове. – Такая, видно, судьба. Однако, у меня есть хорошие вести. Радио сообщало, что Гитлеру скоро капут и война кончится через две недели. Вот тогда мы немцам и покажем. Куда же вы? У меня есть для вас свежая партия мыла.

Не слушая его, я ухожу не прощаясь. Бегу, точно с места преступления, стыдась своей беспомощности. По дороге рву на мелкие кусочки листы со стихами и бросаю их в канаву.

На углу одноногий инвалид бесстрашно распевал во всю глотку:

"Секира, мотыга, бимбер, арак.

Войну продул маляр дурак..."

СЧАСТЛИВЧИК

Вена кишела иностранцами. Чувствуя приближение конца войны, итальянцы пели на улицах, поляки пили, греки открыто торговали фальшивыми документами и продуктовыми карточками. Нахлынувшие с востока беженцы располагались со своими узлами, кастрюлями и ревершими ребятишками прямо на тротуарах и газонах.

Коренные венцы лишь пожимали плечами — вот до чего довела эта проклятая нацистская война: ни приличной еды, ни музыки, ни прежнего беззаботного веселья. Зато чуть ли не каждый день воздушные тревоги и налеты.

Всякий раз, когда воздух оглашался ревом сирен, город цепенел, как кролик, завидевший коршуна в небе, движение на улицах замирало и прохожие начинали метаться в поисках бомбоубежищ. Иногда зловеще гудевшие в небе бомбовозы проходили стороной, но чаще всего они быстро сбрасывали свой груз на какую-нибудь часть города и улетали восвояси. Под ударами тяжелых бомб хрупкие дворцы и жилые дома, помнившие времена Венского Конгресса, рушились, как карточные домики, хороня под развалинами всех, кто прятался в их погребах.

Люле все здесь казалось чуждым и неприветливым. Всего лишь недели три назад она еле унесла ноги из родной Варшавы, успев за день до восстания в конце июля попасть на последний поезд, уходивший на запад. Благо друг ее покойных родителей — Василий Иванович Сорокин выхлопотал ей пропуск и посадил в битком набитый вагон через окно. На следующий день она уже была в Вене.

Устроившись здесь ради прописки на работу и поселившись у своей дальней родственницы, Люля облегченно вздохнула.

Однако, тяжело было здесь без привычного общества. Новых друзей она еще не приобрела, а старые рассеялись по белу свету. Не было теперь с кем душу отвести. Ах, если бы встретить кого-нибудь из варшавских друзей! Например, того же Василия Ивановича, который посадил ее на поезд в Варшаве, а сам остался в обреченном городе.

. . . Помнится, в день ее отъезда, а вернее, бегства из Варшавы, он пришел к ней помочь упаковываться. А она в панике металась тогда по квартире, запихивая в чемодан ненужные тряпки. Ей до слез было жалко покидать город, в котором выросла, уютную квартиру, подруг. Однако, все ее русские друзья, такие же эмигранты или дети эмигрантов как она сама, тоже укладывались у себя по домам, собираясь бежать куда глаза глядят. Они были уверены, что не сегодня - завтра Варшаву займут красные и тогда всем будет каюк.

По-видимому, дело шло к этому. С востока доносился гул артиллерийской канонады, с вокзалов уходили последние поезда на запад, а по мостам через Вислу тарахтели отступавшие немецкие танки. Кто же мог предвидеть, что советчики так и не войдут в Варшаву, зато гитлеровцы вскоре вернуться, чтобы расправиться с восставшими поляками.

— Жаль, что уезжаете, Люля, — вздохнул Василий Иванович, пыхтя над чемоданом. — Мне будет здесь тоскливо без вас.

Впопыхах она не обратила внимания на его слова. А потом жалела, что не уговорила его бежать с собой. Хотя он был старше ее почти на двадцать лет, ей никогда не было скучно в его обществе. С ним можно было поговорить обо всем, что ее интересовало и даже побалагурить. Несмотря на трагические события в его жизни, в нем осталось еще много юношеского.

— А вы? Неужели остаетесь?— удивилась она. — Бывший белый офицер? Ведь вам не сдобровать, если сюда придут большевики.

— Ерунда! — он махнул рукой с пренебрежением.— Немцы их не пустят. А если что, так как-нибудь вывернусь. Вы же знаете, что я "счастливчик". Судьба меня бережет, смерть обходит, — сказал он с деланным смехом.

Из рассказов своих родителей Люля знала о необыкновенном везении Сорокина во время гражданской войны. Говорили, что пули его не берут и что из кровопролитнейших сражений он неизменно выходил без единой царапины. В полку его окрестили "Счастливчиком", а он сам, успешно играя со смертью в прятки, стал убежденным фаталистом и возомнил о себе, что судьба его хранит, но зато другим он приносит несчастье. Последующие события, как будто, подтверждали его иррациональную веру в Провидение: не только его брат был убит снарядом в двух шагах от

него, но друзья и даже совсем чужие люди, случайно находившиеся возле него, гибли, тогда как он оставался цел и невредим. Лет пять назад, во время осады Варшавы немцами, в дом Сорокина попала бомба, убив его молодую жену и дочурку Катю. А он сам опять чудом уцелел.

* * *

В Вене Люля собралась однажды утром поехать в город, как к ней постучали. Открыв дверь она обомлела от неожиданности: на пороге стоял Василий Иванович, выбритый, улыбающийся, с цветочком в петлице пиджака.

— Василий Иванович! — радостно воскликнула она. — Какими судьбами? Вот так сюрприз!

— По вам соскучился, — обрадовался он, целуя ей руку. — С повстанцами мне не по дороге, так я решил махнуть в Италию к союзникам. Попросту взял и вылез из погребца, в котором сидел, и через линию фронта поплелся прямо на запад. Конечно, по мне стреляли, но, как видите, не попали. А еще стрелки называются.

— И слава Богу! Везет же вам, Василий Иванович!

Люля быстро накрыла на стол, заварила кофе "ерзац" и открыла припасенную коробку с маринованными моллюсками. Сорокин поставил на стол бутылку токайского.

— Да, везет, — он горько улыбнулся. — Это какое-то дьявольское счастье. Знаете, Люля, в погреб, где мы прятались в начале восстания, попала немецкая мина. Все там были убиты или ранены, только меня одного мина миновала. Что это по-вашему, как не фатум, рок, по-видимому преследующий всех, с кем мне приходится общаться. Дошло до того, что я боюсь больше за других, чем за себя. Боюсь даже подумать о том, чтобы с кем-либо связать свою судьбу.

Сорокин выразительно взглянул на Люлю.

— Да полно, Василий Иванович, — сказала Люля, накладывая ему моллюсков и делая вид, что не понимает намека. — Это все предрассудки, чертово наваждение. Попробуйте наши военные консервы и не вдавайтесь в мистику. Это ничего, что моллюски хрустят на зубах — в них попадают песчинки. И забудьте о своих опасениях. В жизни ничто не предопределено. Бывают лишь счастливые и несчастливые стечения обстоятельств. А вы говорите — рок! Фатум! Уверю вас — нет никакого рока.

За неимением рюмок гость налил вина в чашки и чокнулся с Люлей.

— Может быть вы и правы, — повеселел Сорокин. — Вашими устами да мед бы пить. С вами, Люля, я прямо оживаю и даже готов ради вас перестать верить в предназначение.

— Вот и хорошо. Знаете что? Плюньте на Италию и союзников, и оставайтесь в Вене, — выпалила Люля. — Мне будет веселее. А то уж очень тоскливо здесь без старых друзей.

— Вы это серьезно? Мне же страстно хочется быть возле вас, Люля. Давайте, забудем о военных ужасах и проведем сегодняшний день беззаботно, как двое детей на каникулах.

— Так за чем дело стало? У меня сегодня свободный день. Давайте, махнем на Пратер!

Несмотря на военное время увеселительные заведения Пратера работали на всех парах. Павильоны кишели разношерстной публикой. Карусели, за исключением "Гигантского колеса", вертелись без перерыва. С визгом и хохотом на них кружились отпускные солдаты со своими Гретхенами, иностранные рабочие, даже беженцы. Изю всех углов доносился смех и гам. Люди хотели веселиться и забыться. Кто знает, может быть завтра уже будет не до смеха.

Взявшись за руки как дети, Люля и Василий Иванович бегали из павильона в павильон, смотрели фокусы и стреляли в тирах по мишеням, изображавшим комиссаров с красными звездами на шапках-ушанках. На "Американской горке" они как сумасшедшие носились в вагонетке вверх и вниз. Люля визжала от восторга, а Василий Иванович, млея от счастья, крепко держал ее в своих объятиях. Проплывая на лодочке через Туннель любви, он все собирался ее поцеловать — она, кажется, тоже ждала этого — но, пока он раздумывал, будет ли это благородно с его стороны, лодочка выплывала из туннеля, и их уже торопили освободить место для следующей пары.

Зато потом, когда он провожал ее домой, она, прощаясь, сама закинула ему руки на шею и крепко поцеловала его в губы.

— Ты куда не уедешь? Не оставишь меня? Правда, милый?

— Нет, не уеду теперь, Люленька. Не могу жить без тебя.

И он осыпал поцелуями ее лицо, шею, волосы.

В свою гостиницу Сорокин возвращался как на крыльях. "Любит... любит... — шумело у него в голове. — Ну и счастливчик же

я! Теперь кончатся мои мытарства, женюсь, останусь пока в Вене, а потом, когда война кончится, мы оба вернемся в Варшаву. Как оно будет прекрасно! Лишь бы только судьба опять не сыграла со мной злой шутки. . . Лишь бы рок пощадил Люю. Нет! Нет! Все это предрассудки, мистика. Нет никакого рока."

Гостиница, где он остановился, называлась "Карлсгоф", и найти ее было нетрудно. Это было старинное трехэтажное зданье с расписными стенами. Напротив него росло единственное на улице каштановое дерево .

Хозяин гостиницы – герр Шлицль, сдавший ему сегодня утром комнатку за пачку сигарет, носил пушистые бакенбарды и был похож на последнего кайзера Франц-Иосифа. Рядом с ним за конторкой сидела маленькая девочка в кудряшках и локончиках и рассматривала картинки в журнале.

– Моя внучка, – с гордостью сообщил герр Шлицль. – Кэтти, скажи дяде "гутен абенд!"

– Гут-абен, – нехотя пробормотала девочка, не отрывая глаз от журнала.

Сорокин погладил ее по кудряшкам.

– У нее точно такие же пушистые волосы, какие были у моей Кати.

– У вас есть дочь? – спросил хозяин.

– Была, – вздохнул Василий Иванович. – Убило бомбой в начале войны.

Герр Шлицль грустно покивал головой.

– Это ужасная война, не правда ли? Бросают бомбы на женщин и детей. По-моему, человечество катится к своей гибели. Видно – это судьба, рок.

"Типун тебе на язык, – подумал Сорокин. – Нет никакого рока. Есть лишь счастливые и несчастные стечения обстоятельств."

Вслух же он спросил, где тут можно выпить пива. Ему хотелось посидеть спокойно, собраться с мыслями, продумать еще раз случившееся.

Оказалось, что "бирхалле" находится сейчас же за углом и еще открыта в это время.

В пивнушке было темновато, уютно. За столами сидели рядышком старики-завсегдатаи, попыхивая трубками с длинными выгнутыми чубуками. Грудастые девки металась по залу, разнося на подносах кружки пенящегося пива. Едва Сорокин уселся за стол, как вдруг, точно стая голодных волков, на дворе завывали сирены.

подавальщицы стали поспешно собирать с посетителей плату за выпитое пиво и предложили всем спуститься в погреб.

Часа два просидел Сорокин в убежище, погруженный в сладкие мечты. Снаружи доносились разрывы бомб и лай зениток. Иногда бомбы ухали где-то недалеко и тогда пол в погребе ходил ходуном. Среди публики затихли разговоры, кто-то всхлипывал, кто-то шептал молитвы. Только один Василий Иванович был спокоен. У него была иррациональная уверенность, что ему ничего не грозит.

Наконец сирены радостно загудели отбой и он смог выбраться наружу. Расправив занемевшие ноги, он направился в сторону своей гостиницы. Было уже темно, но при колыхавшемся зареве горевшего где-то дома можно было различить дома и улицы. По дороге ему то и дело попадались воронки от бомб и кучи щебня. Свернув за угол, он издали увидел одинокое каштановое дерево, напротив которого находилась гостиница. Но куда же делась она сама? Там, где недавно возвышалось это старинное здание, теперь был пустырь. Нет, не пустырь. Подойдя ближе, Сорокин различил на том месте кучу щебня с торчащими из нее обгоревшими балками.

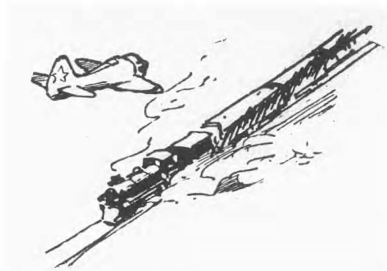
Какие-то люди разгребали груды кирпича, стучали мотыками и тихо переговаривались между собой. Василий Иванович подошел к ним и бессмысленно спросил:

– Это тут была гостиница "Карлсгоф"? Я же здесь остановился на ночлег и вышел только выпить пива. . .

– Ну и счастливчик же ты, – ответили ему из темноты. – Ведь все здесь погибли. Аллес капут!

На другой день утром Люля нашла у себя в почтовом ящике записку: "Дорогая, любимая Люля! Увы, я убедился, что действительно приношу несчастье всем, с кем меня сводит судьба. Содрогаюсь от мысли, что и ты могла стать одной из жертв преследующего меня злого рока. Не желая искушать судьбу, я с болью в сердце решил идти дальше на запад. Никогда тебя не забуду.

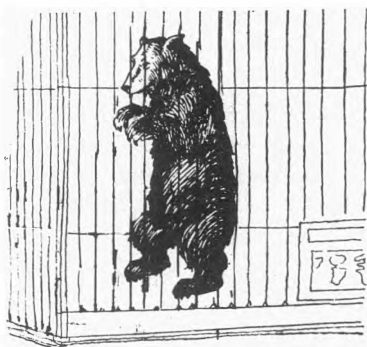
Твой В."

МИСТЕР

ПИТЭР

Присев несколько раз на корточки в порядке утренней зарядки, Василий Иванович Миронов быстро одевается и весело посвистывая бежит в лавочку: хлеба, чая, колбасы для себя, да еще орехов, моркови, яблок, бананов для "пусей" в парке.

— У вас всегда хороший вид, мистер, — улыбается лавочник Олейник. — Как у молодого.

— А разве я не молод? — хохочет Миронов, обнажая крепкие белые зубы. — Недавно мне лишь шестьдесят тюкнуло. Есть еще порох в пороховнице. Войну, бомбардировку пережил, в лагерях голодал, а теперь на балах пляшу, пешечком по тридцать блоков в день откалываю.

— Вы не высматриваете на свои лета, — сказал Олейник. — Почему бы вам не жениться? Вот, в сегодняшнем "пэйпер" стоит, что один старичек из новоприбывших женился на миллионерше, у которой работал поваром. Чем вы хуже?

— Что вы?! — скромно отвел глаза Василий Иванович. — Во-первых, я ваши "пэйперы" не читаю — в них все об убийствах и бандитах, а я люблю спокойствие и об этих безобразиях и знать не желаю. Во-вторых, сначала надо поваром заделаться, а куда мне в повара? Мечтал было в Америке по специальности устроиться — бухгалтером, да не тут то было, с языком слабовато. Еще спасибо — приняли судомоем в ночной кабаке. А теперь и это ухнуло — сию на бобах.

— Хотите хороший "джаб"? — блеснул глазами Олейник. — У одной миллионерши... Дать адрес?

— Дайте, родненький, дайте на всякий случай. Правда, мне не особенно спешно опять впрягаться. Я ведь одинок, живу пока на пособие по безработице, много ли мне надо? А дел у меня и без вашего "джаба" по горло. В зверинце надо моих мишек да мартышек навестить, белок покормить. Звери ведь те же люди, только

лучше их и бесхитростнее. Подобно людям в неволе, тоскуют по свободе в своих клетках. А я среди зверей лишь и отдыхаю по-настоящему, чувствую, что становлюсь благороднее, добрее, ближе к природе. Мишки, мартышки – это ведь наши меньшие братья.

Лавочник молча считал на клочке бумаги.

– Вообще люблю я всех зверей, – продолжал Миронов. – Зайду в Центральный Парк, стану звать: "Пуси, пуси, пуси...", а белочки так и сыпятся с деревьев гроздьями, прыгают мне на голову, плечи, лезут мордочками в портфель. Знают, попрошайки, что у меня там для них орешки припасены. Голуби, воробышки тут же кружатся, порхают. Покормил "пусей" и бегу на шахматную горку, поболеть за игроков, самому сразиться. Главное, никто над душой не стоит. Свободен как птичка. А интересно, что там у вас за работа для меня, Боже упаси? – как бы невзначай осведомился он, расплачиваясь.

– Работа хорошая, чистая, – оживился Олейник. – Для просмотра за мальчиком требуется энергичный старичек с крепкими нервами, выдавший войну и бомбардировки, говорящий немного по-английски и не очень требовательный. Моя "кустомерша", миссис Питэр – одинокая вдова, скучает... – тут он подмигнул. – Сын с невесткой полетели на "вакэйшен" в Европу, а бабушка никак сама не может справиться с внуком. Ни одна нянька с ним долго не выдерживает. Ну как? Олрайт?

– Никак не "олрайт", – замахал руками Василий Иванович. – Не гожусь я в няньки к мальчишкам. Слишком я вспыльчив. Скорее соглашусь смотреть за дикими зверями. Гуд бай!

– Да почаекайте же, сумасшедший вы... Заплотит она вам два раза больше, чем вы в ресторане получали. – крикнул Олейник вдогонку.

Миронов остановился в нерешительности.

– Ну, ладно. Дайте адрес.

* * *

Миронову ужас как не хотелось поступать на дневную работу. Моя по ночам посуду в ресторане, он утешался мыслью, что дни у него свободны и он может проводить их в парке. Сторожа в зверинцах знали уже в лицо этого красивого пожилого господина с добрыми голубыми глазами, и смотрели сквозь пальцы, когда он украдкой совал медведям через решетку морковку или яблоко на длинной палочке, или бросал обезьянам бананы и конфеты из объемистого порыжевшего портфеля с множеством застёжек.

Когда ресторан закрылся, у Миронова стало еще больше времени. Но и денег на покупку орешков для "пусей" стало меньше. А на пособие по безработице себя и белок в парке не прокормишь.

На следующий день после разговора с лавочником, Миронов, – выбритый, подстриженный, в галстук бабочкой и с вечным своим портфелем под мышкой, – позвонил у двери виллы миссис Питэр. В доме происходило что-то непонятное. Там оглушительно хлопали пистолетные выстрелы, с грохотом валилась мебель, раздавались крики и причитания женщин.

Вдруг дверь распахнулась и на крыльцо выскочила толстая негритянка с лоснящимся, точно начищенным ваксой, лицом. Чуть не сбив с ног Василия Ивановича, она на ходу сорвала с себя белый передник и убежала прочь, ругаясь последними словами.

– Питэр, нехороший мальчик, что ты наделал? – причитывал женский голос в доме. – Пятая служанка уходит из-за тебя в этом месяце.

В ответ раздалось еще несколько выстрелов и на крыльцо выбежал мальчуган лет восьми, похожий на краснощекого ангелочка в ковбойской широкополой шляпе. В руках у ангелочка были два огромные игрушечные пистолеты. Завидев чужого дядю, он на всякий случай пальнул и в него, будто взорвав мину под самым его носом.

Миронов, вспыхнув, схватил мальчишку за шиворот.

– Кто ты такой? – взвизгнул тот, извиваясь. – Враг или друг?

– Я твой новый воспитатель, – пробормотал Василий Иванович на корявом английском. – Хочу видеть твою бабушку.

Извиваясь как змея, мальчик изловчился укусить ему руку.

– Ай! – крикнул Миронов, почувствовав укол острых зубов. – Чтоб тебя!...

Воспользовавшись смятением чужака, Питэр выскользнул из его рук и с победным криком ринулся в дом.

Посасывая ранку на ладони, кандидат в гувернеры последовал вслед за шалуном и очутился в большой гостиной, ломившейся от античной мебели, статуй и ваз. Здесь малыш сразу исчез, точно растворился среди старинных статуэток, щекастых амурчиков и ангелочков.

Миронов осмотрелся с опаской, ожидая нападения из любого угла, как послышались цокающие дамские шажки и в гостиную вошел опять как будто тот же Питэр, только на этот раз в образе пожилой дамы с властным лицом, в модной прическе и с сочно накрашенными лиловыми губами.

Узнав по какому он делу, бабушка-Питэр с места в карьер зататакала как из автомата, точно продолжая стрельбу своего внука: "...Так... так... ах так... Олейник прислал... Питэр очень хороший мальчик, но шалун, ему нужна мужская рука... Обстреливает прохожих из пистолетов, а иногда забрасывает их ручными гранатами из домашнего запаса картошки Айдахо. Собакам и кошкам привязывает консервные банки к хвосту. А соседскому коту поджег усы... ха... ха... но в общем хороший мальчик... Только тогда и тишина в доме, когда он смотрит ковбоев и бандитов на телевидении."

У Миронова рябило в глазах от статуэток и ангелочков, голова шла кругом от пальбы из пистолетов и трескотни миссис Питэр. Он стал серьезно подумывать, как бы стусеваться по добру, по здорову, пока в него еще не швырнули атомную бомбу. Однако, надежда хорошего заработка удерживала его от бегства.

Тем временем над ухом у него строчил автомат с лиловым дулом:

– Надеюсь, вы справитесь с мальчиком... Женаты ли вы? Как вам нравится Америка? Как вас зовут? Курите, пьете?..

Миронов еле успевал отвечать: "...Имя—Бэзиль... не курит, не пьет, не женат. Но есть порох в пороховнице... Америка окей!"

– Вы ужасно похожи на моего покойного мужа и, по-видимому, так же рассеяны, — заметила она с улыбкой. — Он тоже временами забывал надеть какую-нибудь часть гардероба.

Василий Иванович окончательно смутился. Неужели забыл надеть то, что полагается? Брюки? На нем. Пиджак? Рубашка? Все есть, кажется, все в порядке.

– Ах, эти холостяки! — захохотала миссис Питэр, сверкая рядом беленьких и ровненьких зубов. — Без жен вы никуда не годитесь. Вы же забыли повязать галстук, Бэзиль!

"Что за чертовщина?— подумал Миронов, проведя рукой под подбородком. — Надел же бантик, выходя из дому, а сейчас его нет."

Тут он заметил на голове одного из амурчиков детскую ковбойскую шляпу, повязанную его таинственно исчезнувшим бантиком вместо ленты.

– Это он, — воскликнула бабушка с восхищением. — Ах, бандит! Василий Иванович кинулся за своим бантиком. Амурчик зашевелился, показал язык и юркнул в ближайшую дверь.

Миронов рванул дверь и — бац! — пошатнулся от удара картошкой в нос.

"Вот они, ручные гранаты из картошки Айдахо," подумал он, и вдруг – бац! Вторая граната из Айдахо огрела его в ухо.

– Постой же ты, малолетний преступник! – крикнул он разозлившись, и ринулся ловить своего врага. Весь дом затрясся от топота, писка, шлепков, рева...

Вскоре победитель ввел Петьку за ухо в гостиную, впопыхах надевая отвоенный бантик задом наперед.

– В...вот... в...ваш ан...ангелочек, получайте, – пробормотал он, задыхаясь. – А я лучше уйду.

– Никуда вы не уйдете, вы мне нравитесь, – сказала бабушка Питэр тоном, не допускающим возражений.

* * *

С тех пор кончилась привольная жизнь Василия Ивановича: прогулки по парку, кормежка зверей, шахматы... Теперь он возвращался домой поздно, весь в синяках, с оторванными пуговицами пиджака, шатаясь от усталости. Из карманов ему приходилось вытряхивать камешки, бумажки и всякую дрянь, вплоть до жуков и пауков.

Обычно, уложив мальчишку спать, он оставался в доме, пока загулявшая бабушка не вернется из театра, или с партии бриджа. Вернувшись домой, она наливала себе и Миронову виски с содой и, после нескольких "хайболлов" начинала изливаться перед ним в жалобах: "...После смерти ее последнего мужа она совершенно одинока... все ее друзья и приятельницы фальшивы, как и их брильянты... мужу она еженедельно выплачивала сто долларов на карманные расходы... жил он на всем готовом, не неся никаких обязанностей, если не считать необходимости сопровождать ее на приемы и в театр... больше всего она ценила в нем его привлекательную внешность, но он, Бэзил ему не уступит..."

Затем, как Василий Иванович не ерепенился, она тащила его в гостиную смотреть телевидение. Застыв чурбаном в старинном кресле, он пялил засоренные дремотой глаза на ненавистный экран, на котором творились всевозможные безобразия: гангстеры, ковбои, полицейские – все почему-то похожие на Питэра – то и дело разбивали друг другу физиономии, грабили, стреляли из пистолетов и гонялись друг за другом на лошадях и в машинах.

Обалдевшему от целодневной возни с Петькой, Василию Ивановичу казалось, что он попал в какой-то современный сад пыток, населенный одними Питэрами. Если на экране не стреляли Питэры

-бандиты, то дрались Питэры-боксеры с перебитыми носами, или катались по полу ринга два звероподобных Питэра-борца под рев Питэров-зрителей в зале, да ахи, охи сидевшей рядом Питэр-бабушки.

Со временем она стала таскать Миронова по кино и ночным ресторанам, оставляя с мальчуганом сиделку. В кино веселая бабушка прижималась к позевывающему Бэзилю, точно влюбленная девченка. В ресторане она потихоньку всовывала ему в руку ровно столько, сколько составлял счет вместе с чаевыми.

— Ах, Бэзиль, Бэзиль, — ворковала она. — Хотя вы и не говорите по-английски с оксфордским акцентом, да и вообще не говорите как следует, вы настоящий джентльмен и с вами можно показываться в обществе. Вы никогда не напиваетесь и не шумите, как мой последний муж. Если бы вы хотели, могли бы остаться в нашем доме, даже когда придет мой сын и вам больше не надо будет возиться с моим внуком. Скажу, что не могу обойтись без вас... Понимаете, Бэзиль?

Василий Иванович хорошо понимал, что счастье само лезет в руки. Сто долларов в неделю на мелкие расходы... на всем готовом и никаких забот до конца жизни... Вот можно будет закатить пир горой "пусям" в парке. Костюмчик от лучшего в городе портного... положение... все вокруг закланяются, заулыбаются: "Что изволите, мистер Питэр? К вашим услугам, мистер Питэр!"

Вдруг его точно ошпарило: "Это я-то — мистер Питэр?" — чуть не крикнул он. — "Значит, и я стану одним из Питэров! Перестану быть прежним Мироношкой, самим собой?!"

Ему стало не по себе.

* * *

Через несколько дней Миронов решил проведать своих любимцев и, накупив полный портфель яблок, бананов и орехов, отправился со своим воспитанником на прогулку в Центральный Парк.

— Если будешь себя хорошо вести, разрешу тебе покормить медведей, — пообещал он Питэру. — Они тоже люди, только заколдованные.

В парке он первым делом раскрыл портфель и стал звать белочек: "Пуси... пуси... пуси...Что, не забыли Мироношку? Вот вам орешки! Погодите, стану мистером Питэром, куплю вам целый воз орехов. Петька. сиди смирно, не пугай моих зверюшек!"

По дороге к мишкиным клеткам Василий Иванович подыскал в

кустах крепкую палочку, заострил ее ножиком, затем разрезал яблоко пополам и насадил на острие одну половинку.

Из клеток на них глядели честные медвежьи глаза; косматые морды оборачивались в его сторону, видно почуяв поживу.

Большой бурый медведь стал доверчиво тыкаться влажным носом в прутья клетки, нюхая воздух. Миронов всунул между прутья палочку с яблоком. Обнюхав яблоко, мишка хапнул его и сжевал со смачным хрустом.

— Дай мне! Я тоже хочу кормить медведя, — завопил Питэр, вырывая палочку из рук Миронова.

— Так и быть. Только смотри, не уколи мишку.

Питэр насадил на палочку вторую половинку яблока и протянул ее медведю. Долго не раздумывая, тот хапнул и этот лакомый кусочек. Вдруг идиотски захохотав, шалун изо всей силы ткнул медведя острием в черный доверчивый нос. Мишка издал короткий рев и стал махать лапой возле носа, точно отгоняя мух. Затем он обиженно повернулся задом к публике и поплелся в свою пещеру.

Василий Иванович побледнел, губы его задрожали и несколько секунд он стоял как вкопанный. Придя в себя, он с яростью набросился на маленького садиста и стал драть его за уши.

— Ах ты, паршивец! — зашипел он. — Зверя обидеть! Хорошего, кроткого мишку, моего мохнатого брата обмануть! Как я ему после этого на глаза покажусь? Не хочу я больше знать ни тебя, ни твоей бабушки! Не хочу я даже глядеть на вас — Питэров!

* * *

Отлично выпавшись после ночной ляжки, Миронов встает поздно и весело посвистывая бежит в лавочку: хлеба, чаю, колбасы для себя, да еще орехов, яблок, бананов для "пусей" в парке.

— Охота же вам опять дишвошером ишачить? — неодобрительно качает головой Олейник. — Не хотите вернуться к Питэрам?

— Боже упаси! — отвечает Василий Иванович. — Ночью я, правда, намаюсь, но вот сейчас напьюсь чайку и потяляпаюсь в парк к моим зверюшкам. А потом на горку играть в шахматы до вечера. Слава Богу, свободен как птичка — никто над душой не стоит.

— Совсем выжил из ума, старикашка! — доверительно шепнул Олейник случайному покупателю, когда Миронов ушел. — Подумайте только: этот старый дурень мог богато жениться, жить в свое удовольствие как барин, весело проводить вечера в ночных кабаках и вообще забыть о работе до конца жизни. Так нет же — белки, шахматы... "Свободен как птичка!" Тьфу! "Crazy"!

ГРАЖДАНИН МИРА

...На глаза попалась заметка в газете: "Успех русского"... Рядом фотография: Блондин средних лет. На щеке шрам. И удивительно знакомые плутовские глаза на удалом лице...

Внизу приписка: "Наш соотечественник Василий Уткин, проживающий постоянно в Австралии, приплыл вчера в Нью-Йорк, совершив на парусной лодочке кругосветное плавание".

"Да это же никак Васька! — вспомнил я. — Тот самый бывший беспризорник и бесшабашный бродяга, который после окончания войны затесался к нам в студенческое общежитие в разрушенной Германии и на радость нашей веселой братии сумел насолить самому начальнику французского "Сюретэ"... "

* * *

Время было молодое, беспокойное. Недавно отгремела война и земля остывала, точно после длительного извержения вулкана. Толпы разношерстного народу — беженцы, бывшие пленные, "перемещенные лица" — разливались широко по дорогам Европы. Все куда-то ехали, шли, что-то везли, чем-то спекулировали.

Спасши свою шкуру в военных передрягах, мы — горсточка русских студентов — зацепились в одном из старинных городков недалеко от швейцарской границы.

Жили мы там тихо, спокойно; день в день чечевица, хлеб из кукурузной муки, кислое вино в "унровской" столовке, французские солдатские сигареты "трупы". Днем лекции в университете, вечером споры и дискуссии в нашем общежитии, мечты о далеких странах...

Городок был замечательный — весь в зелени и розах. Но были, конечно, и шипы: французские оккупационные власти держали нас — перемещенных — в черном теле.

Жандармы хуже гончих охотились за бродягами и спекулянтами. Самым страшным зверем для бродячего люда был начальник местного "сюретэ", капитан Дюваль – коварный человечек с красным от вина носом. Всех попавших ему в лапы он потчивал лагерем, а парней помоложе норовил забрить в Иностраннный Легион.

Единственным утешением малых мира сего было то, что он сам – местный бог и царь – сидит под башмаком у своей жены Жермэны, темпераментной дамочки бальзаковского возраста с огненно рыжими волосами. Ходили сплетни, что она ничтоже сумняшеся наставляет ему рога, а он и пикнуть не смеет.

Однажды к нам в столовую зашел смазливый паренек в кепке козырьком вверх.

– Пошамать не богаты будете? – спросил он, обводя голодным взглядом столы с тарелками дымящейся похлебки.

– А ты, брат, откуда? – спросили мы.

– Прямым сообщением из Швейцарии. Выставили меня оттуда к свиньям собачьим... – рассказывал он, напихивая рот чечевицей. – В Базеле у меня корешок проживает. Поваренком работает в гостинице. Точно! Решил я, значит, к нему сунуться, шикарно покатил транзитным, задумал незаметно спрыгнуть на границе, да ошибся местом, впотьмах свалился со скалы, нос себе расквасил, сам чуть не загнулся, а тут ихние мильтоны меня и накрыли.

Он вытер рот обратной стороной ладони и запил свой расказ яблочным сидром.

Васька – так его звали – быстро завоевал симпатию нашей студенческой компании. После обеда он раздобыл где-то гитару и запел приятным мягким тенорком:

"Как много девушек хороших,

Как много ласковых имен..."

Потом он пел солдатские частушки, песни партизан и беспризорников.

О своей прежней жизни он рассказывал так:

– Я бродяга на большой палец... Беспризорником объездил весь Союз вдоль и поперек. Мне никогда не сиделось на месте, все тянуло подальше. Когда пришли немцы, ушел в лес к партизанам, там меня нацистская пуля и поцеловала в щеку.

Он ткнул пальцем в белый рубец возле уха.

— Когда война кончилась, подался на запад. Захотелось мир посмотреть, чем там люди живы. Да и наша советская житуха-жистянка надоела хуже горькой редьки. Всю Польшу этак исходил, Чехию, Германию. Чего только не перепробовал. Не раз сидел, не раз давал драла. Всяко бывало. Ведь я такой — нигде долго не выдержу. Все тянет куда-нибудь подальше. Это точно! В Бельгии уголь копал. Стало скучно — утек. В Австрии у бауэра ишачил, да его дочка со мной крутить начала и он выгнал меня к чертовой бабушке. Потом в Италии, в Турине на свою голову с одной бабенкой спутался...

— Что ж ты всюду без пропусков, без паспорта ездил?

— Какой еще к черту паспорт! — рассмеялся Васька. — Захо-чу, весь мир зайцем объеду. Чего мне бояться? Тюрьмы? Лагера? Я старый беспризорник. Меня голыми руками не возьмешь. А чтобы не попасть в лапы товарищам, у меня есть левые документы. Так и живу. Отовсюду меня гонят, а я везде как дома. Мне и море по колена. Я — вроде как гражданин всего мира...

— А как же ты объясняешься? Языки знаешь?

— Еще бы. По-немецки еще в войну насобачился. По-французски на шахте подучился. Даже по-английски "спикаю". Сначала у "ковбоев" на кухне работал, а потом в американском мундире всю Германию изъездил, пока эмписты не изловили.

— Ну и ну! — давались мы диву. — Нам тут без пропуска нельзя за пять километров нос высунуть, а этот всюду запросто...

— Куда же ты теперь? — спросили мы. — В нашем городе задерживаться опасно: сюретэ! Проверки на каждом шагу.

— А мне наплевать. Сначала подыщу, где бы здесь подработать. Слышал у французишек можно садовником примазаться. А потом мне во Францию надо. В Марселе у меня корешок есть, а там, пишет, можно с матросами снюхаться, на пароход попасть.

— А дальше куда?

— Тянет по океанам поплавать. В Америку надо обязательно заглянуть. У меня и там корешки есть. Это точно.

К нашему удивлению Васька быстро устроился садовником, и то не где-нибудь, а в саду самого капитана "сюретэ". Попал он туда по объявлению в окне французского магазина. Принимала

его мадам Дюваль. На ней был только легкий пеньюар и Ваську сразу бросило в жар. Капитанша ласково распросила заезжего молодца, где работал раньше, угостила его вином и дала записку к мужу: ... Немедленно выдать право на жительство новому садовнику... производит хорошее впечатление, к тому же говорит по-французски.

Грозный капитан прочел записку, подозрительно взглянул на нахальную Васькину рожу, на кепку со вздернутым козырьком, покосился на липовые документы с подтертыми датами, но не смел послушаться жены и послал свое "ави фаворабль" в соответствующие "амты" – там Ваське все мигом и устроили.

Вскоре наш бродяжка стал как сыр в масле кататься. У него завелись даровые билеты во французское кино. В закрытом армейском магазине он покупал дорогие вина, фрукты, арманьяк и перепродавал спекулянтам. Кое что перепало и нам.

В городе заговорили: новый роман мадам Дюваль. Да и сам Васька не скрывал перед нами своего успеха:

– Втюрилась капитанша на все сто... Да и я влип, ребята! Точно. А францужанка, надо сказать, мировая баба. Многому у нее можно научиться... – подмигивал он нам.

– А что же капитан? Знает? ...

– Догадывается, сволочь. Все норовит домой не вовремя и смотрит волком, но тронуть меня не смеет – боится Жермэны. А она меня в обиду не даст.

– Смотри, Васька, не влопайся! Никак самому начальнику полиции рога наставляешь.

– Так ему, гаду, и надо. Не люблю я полиции.

Капитан терпел, терпел, но в конце концов, по-видимому, решил как-нибудь отделаться от соперника. Вызвал его к себе в кабинет и с места в карьер застучал кулаками по столу.

– Ты что? – заорал он. – Спекулировать сюда приехал, бродяга?! В лагерь тебя надо. Лучше убирайся подобру-поздорову!

– Вы ошибаетесь, *mon capitain*, – спокойно ответил Васька. – Я не спекулировать приехал, а работать садовником. И даже не думаю убираться отсюда. Мне подработать надо.

– *Воп*, – успокоился вдруг капитан. – Ладно, потолкуем спокойно. Посуди сам – зачем тебе оставаться в Германии, где рано или поздно все равно в тюрьму попадешь? С твоими-то бумагами и темным прошлым. Не лучше ли тебе записаться в наш

Иностранный Легион. Подумай только – денюжки на стол, никаких забот, увидишь далекие страны. . . Ну как? Ça va?

– "Черта с два, а не сова!" – подумал Васька и ответил учтиво: – Большое вам мерси, капитан, но не тянет меня в Легион. Посижу пока здесь.

– Долго не посидишь, – сказал начальник "сюретэ" с угрозой в голосе. – Советую тебе по-доброму – не перетягивай струну!

Время шло, а Васькин роман разгорался во всю. Жермэна со своей южной страстью и парижскими любовными приемами совершенно овладела его чувствами. И хотя из Марселя звал приятель, Васька ему даже не отвечал. Жил он теперь точно в дурмане, забыл про все на свете, распевал под аккордеон песенки с неизменными "l'amour, l'amour . . ." и щедро угощал нас вином.

Любовники стали открыто показываться на улице, в парке. Жермэна висела на Васькиной руке и, не сводя с него влюбленных глаз, ворковала :

– M'aimez-vous bien, Basil? Очень меня любите, Вася?

– Oui, je vous aime bien, Germaine! Да, я вас очень люблю, Жермэна! – отвечал Васька заученной фразой.

– И никогда меня не покинете?

– Конечно нет! Никогда, никогда!

Понемногу Васька обжился в капитанском доме и полностью вошел во вкус своей роли "третьего" в семье. Теперь Жермэна сажала его за общий стол, не стесняясь мужа, ласково трепала любовника по щеке и теребила ему чубчик. А капитан Дюваль делал вид, что так и полагается, с кислой улыбкой наливал счастливому сопернику вина, угощал его сигаретой "труп" и глядел на него как кот на канарейку в клетке.

Нас разобрал страх за нашего друга и мы стали его уговаривать: "Не перетягивай струны, Васька! Надоешь Жермэне и тогда тебе крышка."

– Что вы, ребята? – отвечал он с самоуверенностью удачливого игрока, которому кажется, что ему вечно будет везти. – Да она за мной на край света пойдет! Точно!

Однако, уверенность его была поколеблена когда он, разгневавшись, предложил ей однажды бросить мужа и уехать с ним, т. е. с Васькой, в южную Америку искать счастья.

Француженка рассмеялась ему в лицо.

— Оставь эти глупости, chéri! — сказала она. — А жить будем чем? Воздухом? Одно дело — любовь, а другое — муж с положением.

Вскоре после этого разговора Жермэна уехала на несколько дней в Париж навестить родителей. Пользуясь ее отсутствием, Дюваль решил разделаться с соперником и опять позвал Ваську к себе.

— Ну как? — спросил он сладенько. — Поступишь в Легион?

— Нет, mon capitain, — решительно отрезал Васька. — Не желаю я записываться в ваш Легион. Мне тут вполне уютно...

Капитан побагровел и вызвал дежурного жандарма.

— Вон! Вон его! ... В лагерь, на хлеб и воду! Я тебе покажу уют!

Жандарм стукнул каблуками, взял Ваську за шиворот и молча повел его в лагерь.

... На следующий день утром Васька — он был уже одет по-туристски, с рюкзаком и в шляпе с перышком — явился к нам попрощаться.

Ругаясь, он рассказал о ночи, проведенной в лагере.

Когда его заперли за проволокой, там, между бараками, построенными еще нацистами для остарбайтеров, слонялись десятки арестантов — кто в немецком мундире, кто в пиджачке. Лагерники курили, играли в карты, шашки, грелись на солнце.

Завидя новенького, один из них подполз к нему.

— Есть покурить? — спросил он Ваську. — Ты, собственно из каких будешь — бывший нацист, спекулянт, бродяга или капитаншин хахаль?

Васька вытаращил глаза.

— Э, ты, красавчик, по-видимому, по любовной части, — решил арестант. — Таких у нас как собак нерезаных. Скоро вас всех отправят под конвоем в Марокко.

Перед Васькой вырос высокий блондин в потрепаном мундире "Luftwaffe" и пристукнул каблуками:

— Habe die Ehre! Я бывший садовник мадам Дюваль. Ожидаю здесь отправки в Иностранный Легион.

— А! Пан коллега! — пожал Васькину руку тип в покрашенной в черный цвет американской солдатской рубашке. — Значит и пан был гм... садовником? Поздравляю!

Подошел еще кто-то.

— Эге, — сказал тот. — Вижу, нашего полку прибавило.

Васька обалдел и ему стало казаться, что все в лагере бывшие садовники. Ночь он провел как в лихорадке. Товарищи по несчастью, узнав, что Жермэна еще без ума от Васьки, и капитан посадил его во время ее отлучки, предсказали ему скорое освобождение.

— А то она мужу морду расцарапает...

И все советовали Ваське смываться пока не поздно.

Утром, действительно, за Васькой пришел жандарм и повел его опять к капитану.

— Ну что? — спросил тот с улыбочкой. — Видел, сколько там бывших садовников?

— Видел, mon capitain.

— Вон! Так что оставайся, если хочешь... пока... — он подмигнул Ваське. — А если нет, так вот тебе пропуск во Францию и бесплатный билет до Марселя. Выбирай! И то сию минуту.

* * *

Через несколько дней мы получили открытку из Марселя.

"Привет всей шпане! Ну и хитряга же ваш капитан. Это точно. Пока, ребята! Даешь Америку! Гражданин мира — Васька."

Надо быть паинькой

I

В мужской каюте транспортного судна, перевозившего Ди-Пи в Америку в конце сороковых годов, было сонное царство. Усыпляюще жужжали вентиляторы под потолком, на койках разговаривали шепотом, уютно позевывали, кое-кто похрапывал. Над дверью тускло горела синяя лампочка, еле рассеивая темноту. Где-то внизу глухо стучали машины, лихорадочно бились винты. Весь пароход дрожал и трещал; казалось — вот-вот рассыпется. Качало.

Борис Львович Лавров занимал одну из нижних коек в дальнем углу спальни. Это был человек уже не первой молодости, с усталым лицом и припухшими глазами. Вместе с ним спал его пятилетний сынишка Петя.

Лавров уже засыпал, когда мальчик вылез из-под одеяла и принялся раскачивать койку.

— Петя!... Что ты выделываешь? — сонно пробормотал отец. — Ложись и спи!

— Не хочу спать... хочу кацаться...

— Петя, веди себя прилично. Если будешь паинькой, подарю тебе мячик.

Шалун подумал немного и заревел.

— Не хочу быть паинькой. И мячика не хочу... бэ...бэ...

Спящий на соседней койке лохматый дядя поднял голову и молча погрозил Пете, а может быть его отцу, кулаком.

Со страху Петя притих и даже перестал хныкать.

— Наказание Господне с этим балбесом, — сказал Лавров извиняющимся голосом, обращаясь к лохматому соседу. — То ему одно, то другое... спать не дает. Одно мучение.

— А почему мальчик с вами, а не с матерью? — спросил тот. — Где его мама?

— Жена нездорова, и я хотел, чтобы бедняжка отдохнула от шалуна. А я-то, знаете, уже не молод, мне уже под шестьдесят, — вздохнул он. — Не умею я с малыми ребятами возиться.

— Папа, — послышался глухой голос из-под одеяла. — Я хочу к маме.

— Нельзя, детка, к маме. Сейчас ночь и все спят. Мама тоже спит. Завтра пойдем к ней.

– А я сейчас хочу к маме, – заявил карапуз капризным голосом, вылезая наружу.

– А в ухо хочешь?

– Бэ... бэ... – разревелся малыш.

Лежащий на верхней полке толстяк перестал храпеть и сердито проворчал:

– Да заберите его к маме или к самому черту, только не будите людей ночью.

– Ладно, пойдем сейчас к маме, – обозлился Лавров. – Думаєте, что этот дуралей хочет на самом деле к маме? Нет! Ему лишь бы покапризничать. Одевайся, балбес! К маме, так к маме.

Он сорвал с сына одеяло и стал его одевать, тормоша, путаясь в частях одежды, впопыхах натягивая ему рубашонку на ноги, а штанишки на голову.

Когда он, наконец, кое-как одел Петьку, тот опять зартачился:

– Я уже не хочу к маме. Хочу есть. Где мой апельсин?

– Что это за новости? То хочешь к маме ийти, то тебе апельсин подавай. Нет у меня апельсина. Хочешь печенья?

– Не хочу печенья... Хочу апельсин... бэ... бэ...

– Тсс... не кричи, Петенька! Перебудишь всех на пароходе.

– А поцему мы на пароходе?

– Потому что плывем в Америку.

– А поцему мы плывем в А... Америку?

– Потому что так надо.

– А поцему так надо?

– Петька, не раздражай меня глупыми вопросами. Ложись и спи!

Подумав немного, мальчуган опять разревелся.

– Я... я... хочу пить. Бэ... бэ...

– Ну, откуда я тебе, подлецу, возьму пить? Ночь, все люди спят, а ему, видите ли, пить вдруг захотелось.

Пассажиры в каюте стали просыпаться и беспокойно ворочаться на своих койках.

Матрац верхней койки хлопнул Лаврова по макушке. Это подпрыгнули толстяк наверху, потеряв терпение.

– А чтоб вас!... У меня тут есть немного чаю, – сказал он, протягивая Лаврову термос. – Пусть малыш напьется и успокоится.

– Большое вам спасибо! Петька, вот тебе чаек! Пей и не ори, – сказал обрадованный отец, наливая чаю в пластмассовый стаканчик. – На! Пей же, дуралей!

Петя понюхал чай и заревел еще пуше.

— Не хоцу!...

Расплескивая от волнения жидкость, Борис Львович поднес стаканчик к своим губам, выпил его сам до дна, затем завинтил термос и, поблагодарив, отдал бутылку толстяку.

— Петя, ну что ты меня мучаешь? — с укором обратился он к сыну. — Когда же ты, наконец перестанешь капризничать?

А сынок, взлохмаченный и торжествующий сидел на постели и похныкивал, по-видимому придумывая, что бы тут еще выкинуть.

Лавров уже не сердился, не приказывал, не настаивал, а сложа руки как в молитве, просил, слезно умолял маленького тирана не шалить и вести себя тихо.

— Петя, Петенька, пожалуйста, не ори, не хныч, мой мальчик! Не срами меня! Вот я, твой бедный старый папа, прошу тебя чуть не на коленях: пожалей меня и успокойся! Хватит меня мучить. Завтра же будешь опять спать с мамой. Ты же большой... ты умный... Сам должен понимать, что надо смириться и не плакать. Надо быть паинькой. Надо быть паинькой.

II

...Получив извещение из старческого дома, что там освободилась койка, Петр Борисович решил дипломатично подготовить отца к ожидающему его сюрпризу.

— Папа, — сказал он, пряча глаза. — Тебе необходимо поехать к врачу на исследование.

Борис Львович посмотрел на сына отсутствующим взглядом.

— А ты кто такой? — спросил он удивленно. — Как тебя зовут?

— Папа! Как можешь? — обиделся тот. — Я ведь Петя, твой сын... Неужели ты забыл?

Старик растерянно потер себе лоб.

— Ах да... Петя. А как же тогда меня зовут?

— Ты Борис Львович Лавров, мой отец. Тебе восемьдесят семь лет и вчера ты опять свалился со стула. Ты должен на несколько дней лечь в больницу для проверки здоровья.

Лавров пожевал губами и прошамкал сердито.

— Дудки! Никуда я не поеду. Вижу, ты что-то неладное замышляешь. А еще сын называется!

Затем постукав палкой и отдышавшись, он спросил:

— А когда же нам ехать?

— Завтра в полдень, — ответил сын обрадованно.

Петр Борисович не был женат и жил в небольшом собственном домике под Нью Йорком вместе с отцом. Вначале никаких хлопот с ним не было. Старик долго крепился, пытался казаться бодряком, но после смерти жены стал заговариваться, все забывать, путать...

Он целыми днями сидел у себя в комнатке, считая пуговицы, карандаши, перебирая старые письма, вырезки из газет, открытки с видами, обрывки листков из записных книжек.

Еще недавно – всего года два назад – он ходил один на далекие прогулки, просиживал часами в парке, кормил голубей. Но однажды он упал на улице и не мог подняться без посторонней помощи. Какие-то сердобольные прохожие позвонили в участок, и старика привезли домой в полицейской машине.

После этого случая Петру Борисовичу пришлось запирать отца дома. Однако оставлять его одного без присмотра тоже было опасно. То он отвернет газовый кран в кухне и забудет зажечь газ, то поставит пустой чайник на огонь или оставит открытым водопроводный кран в ванной... А то, бывает, полезет за чем-нибудь в шкаф, станет на стул, потеряет равновесие и грохнется на пол. Сам встать не может и лежит так, пока не придет сын.

Врач определил у Бориса Львовича старческий склероз и посоветовал поместить его в больницу для стариков – "Норсинг Хом".

Легко сказать: в больницу! Петр знал, что отец ни за что не согласится покинуть свою насиженную кушетку, пуговицы, карандашики, любимые свои бумажки и будет болезненно переживать перемены в привычном укладе жизни. Однако присматривать за ним дома было некому, а нанимать частную сиделку сыну было не по карману.

Однажды Петр смотрел фильм, показывавший, как китайцы в Гонконге отвозят своих престарелых родителей в пещеру за городом и оставляют их там одних без еды и воды, пока те не покинут земную юдоль. В ожидании этого радостного события милые детки пируют и веселятся перед пещерой. "Разве современный "Норсинг Хом" – это не такая же пещера для умирающих стариков? – думал Петр. – Только эта пещера цивилизованная, благоустроенная, обеспечивающая пациентам медицинский уход и правильный режим питания. В ней искусственно охлаждаемый воздух, телевизоры, на столах книги и газеты, в залах устраиваются лекции и киносеансы. Может быть, продлевать безотрадную жизнь больных стариков так же жестоко, как и оставлять их без еды и воды в китайских пещерах, но другого решения вопроса заботы о престарелых наша цивилизация пока еще не нашла.

Скрепя сердце, Петр записал отца на очередь в русский старческий дом. И вот пришел ответ: есть свободное место.

Когда на следующее утро Петр разбудил отца и объявил, что надо собираться к "врачу", старик стал ворчать и упрямиться. Он страдал бессонницей, поздно засыпал и любил поспать утром. А тут срываешься с постели ни свет ни заря и отправляешься неизвестно куда и зачем.

– Что это за новости? Никуда я не поеду, – захохотал он.
– Папа, миленький, это для твоего же добра... надо проверить состояние твоего здоровья... – упрасивал его Петр.
– Вот тебе свежее выглаженный костюм. А тут чистая рубашка. Погоди, помогу тебе одеться. Да и побрить тебя тоже надо.

Нервничая и поглядывая на часы, Петр стал брить отца и одевать его, впопыхах путая части одежды и застегивая не те пуговицы.

– Разве это мой костюм? – усомнился старик, надев пиджак. – Висит на мне как балахон.

– Твой, папа, твой. Только ты уже вырос из него, то есть, наоборот, похудел. Да поторопись, пожалуйста! Часа два уже возишься. Скоро нам ехать, а ты еще даже не завтракал.

– Ехать? Куда это ехать? – Борис Львович уставился на сына непонимающим взглядом.

– Сказано же тебе русским языком – к врачу!

– Зачем к врачу?

– Так надо.

– А почему так надо?

– Папа, не приставай с бестолковыми вопросами! Надо, значит – надо. Кто третьего дня грохнулся на пол, так что весь дом затрясся? Может быть, ты себе что-нибудь повредил? Будь паинькой и поторопись. Еще надо галстук повязать.

– А как его надевать? – недоумевал Борис Львович, тщетно пытаюсь повязать себе галстук на шею. – Вяжу его, вяжу, а он, черт, все развязывается.

– Дай мне. Я тебе повяжу как надо. А то ты будешь возиться с ним до второго пришествия.

– Отстань! Я сам это сделаю. Должен же я научиться надевать галстук без твоей помощи. Фу ты, опять развязался.

– Папа, сейчас не время учиться, как повязывать галстук. Там, куда мы едем, у тебя будет времени больше чем достаточно для этого. Дай, я повяжу...

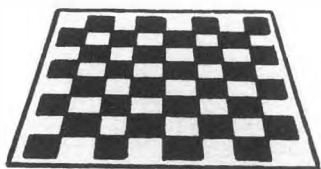
– Убирайся вон, пашенок! Не надо мне твоей помощи, – рассердился старик. – Никуда я не поеду. Даже слышать не хочу о врачах.

В сердцах он сорвал с шеи галстук и стал стягивать с себя пиджак.

Петр опустил перед отцом на колени и стал гладить его дряблые щеки.

– Папа, милый! Не упрямясь! Смотри – я, твой сын, Петя, прошу тебя, умоляю – одевайся, не артачься! Тебе надо ехать к врачу – и точка. Что поделаешь? Такая уж судьба! Поверь, мне самому больно расставаться с тобой... Ведь не в пещеру я тебя повезу какую-нибудь, а в современную цивилизованную больницу с телевидением и всеми удобствами... Тебе там будет хорошо. Надо быть паинькой и смириться. Надо быть паинькой!

РАБЫ ШАХМАТНОЙ КОРОЛЕВЫ

1. ПРОФЕССИОНАЛЫ И МАНЬЯКИ

Какие только не бывают странности и страсти у людей: кто выпивает, а кто запоем играет в шахматы. Пьяницы прожигают жизнь в кабаках за стаканом виски или пива, а шахматные маньяки просяживают штаны в клубах и парках за столиком с деревянными фигурами.

Шахматные клубы на Таймс Сквере по вечерам ломятся от посетителей. Там тихо, светло, уютно и можно сидеть в шляпе. Однако, если кто подвыпивши и скандалит, того здорovenный вышибала из отставных полицейских моментально снимает долой, как пешку с доски, и спускает вниз по лестнице.

Кого только не увидишь здесь за столиками! Незадачливые мелкие конторские служащие — серые людишки в белых воротничках — после целого дня обезличивающей лямки ищут за доской маленького личного успеха. Старые холостяки, отдавшие свою страсть прекрасной шахматной даме, засиживаются здесь до полуночи за разбором ходов известных мастеров. Мужья, бежавшие из-под жениного каблука, грозно стучат фигурами, отыгрываясь на доске за домашние поражения. Бородатые купцы перебрасываются словечками на жаргоне. Парни с ковбойскими манерами и боксерскими кулаками — диву даешься, как они сюда попали, — дерутся молча и свирепо до последней пешки. Но до мордобития не доходит, — не для телевидения же играют, а для себя.

Иногда по ошибке, в поисках совсем другого развлечения, в клуб забредет матросик-отпускник. Его тут тотчас же усадят за столик, научат играть, да и выудят у него несколько долларов. На то они профессионалы, чтобы обыгрывать новичков — "фраеров". И никакого мошенства — берут нахрапом. Если же профессионал начинает проигрывать, он попросту отказывается делать ходы в проигрышной партии и смывается восвояси, прикарманив выигранные раньше деньги.

Вообще какие только чудачки не встречаются среди шахматистов?! За шахматами взрослые серьезные дяди превращаются в ребятишек – лепечут "ба, ба, ба...", "тя, тя, тя...", мурлыкают детские песенки – "тим тили бом", корчат друг другу гримасы, хлопают в ладоши, визжат, хохочут... того и гляди – запрыгают на одной ноге...

Конечно, среди игроков есть и серьезные шахматисты, доки, съевшие собаку на дебютах и шахматных трюках. Проигрывают они свои партии с таким же треском, как самые обыкновенные "сапожники", но делают они никудышные ходы не с бухты барахты, а после тщательного анализа положения...

Любителей и разных горе-шахматистов – тьма-тьмушая! И все они играют по-разному. Есть тугодумы, берущие своих партнеров измором. Но есть и малодумы, непривыкшие долго раздумывать над своими ходами. Проиграв несколько партий, они теряют интерес к игре и начинают критиковать других. Чем игроки моложе, тем они напористее, обожают сражаться в блиц, подстраивать подвохи и затевать невозможнейшие драки на доске, лишь бы показать свою удаль и смекалистость. Зато люди постарше играют осторожно, избегают быстрых партий, всячески стараясь доказать, что мозги у них еще не отсохли от склероза.

Кроме серьезных игроков, профессионалов и случайно забредших любителей, во всех парках и клубах полно своеобразных шахматных маньяков, людей, одержимых шахматным бесом, отравленных шахматами как наркотиком. Они неспособны и дня прожить без того, чтобы самим не отгрохать несколько партий с кем попало, или, по крайней мере, не поглазеть, как играют другие, не поболеть за них. Иные чудачки даже приносят толстые руководства как выигрывать в шахматы, но обыкновенно они этих книг не изучают, лишь подкладывают их под себя, чтобы казаться выше своих противников.

Войдя в азарт, эти горе-шахматисты забывают все на свете и шпарят партию за партией до полного обалдения. Проиграв, они болезненно переживают неудачу, одни зеленеют, другие краснеют, затем задним числом находят выигранные ходы, которые им не пришли на ум во время игры.

И нет между игроками никаких социальных перегородок. В клубах и парках миллионеры сражаются в шахматы с бродягами, негры с белыми, евреи с арабами, а парни из советского представительства с белоэмигрантами. Причем, чтобы не выдавать себя, советчики играют молча. И только, когда им грозит мат, они начинают матюкаться по-русски, забывая о том, что они в Америке.

Но ведь, когда шахматисту угрожает мат, он может даже забыть на каком он свете...

2. ГОРЕ-ШАХМАТИСТЫ

В хорошую погоду на шахматной горке в Центральном парке можно увидеть высокого седоватого господина с аристократическими манерами, просиживающего часами за столиком, играющего в шахматы или наблюдающего с интересом за игрой других шахматистов. Это русский эмигрант, Иван Николаевич Воронков, в прошлом актер и светский лев, а в настоящем – запойный игрок и завсегдатай горки. В свободное от игры время он работает шофером такси.

А было время, когда он интересовался всем в мире: литературой, театром, общественной жизнью. Он читал книги, посещал концерты, спектакли, балы, смотрел новые фильмы и ходил в гости к знакомым. Однако, зачастив в шахматные клубы, он постепенно стал терять интерес ко всему, что не было связано с шахматами и совершенно помешался на этой игре.

Теперь он бредит шахматами, умеет разговаривать только о дебютах, жертвах, матах... За едой он разбирает партии мастеров, на сон грядущий решает шахматные задачи. Иногда ему даже кажется, что он сам уже превратился в одну из шахматных фигур и ходит не по улицам, а по шахматной доске. Мостовую он пересекает или ходом ладьи – по прямой линии, или наискось, по диагонали, на манер шахматного слона. На квадратных плитах тротуаров ему хочется прыгать как конь – пробежать по двум клеткам вперед и шагнуть на третью вбок... Зато в густой толпе он чувствует себя обыкновенной пешкой – продвигаться вперед можно лишь шаг за шагом. Иногда он попадает в "Zugszwang" – например, когда надо идти на работу или домой спать. До смерти не хочется, а должен...

И никто, кроме таких же энтузиастов шахматной игры, не понимает и не принимает их всерьез. А меньше всего понимают шахматоманов их собственные жены...

Несколько лет назад Воронков влюбился в одну энергичную даму русского происхождения и женился на ней, несмотря на то, что она ни бельмеса не понимала в шахматах и всех шахматистов считала выжившими из ума чудаками, придурками, теряющими время и энергию на дурацкую игру. Хуже того – вопреки конституции, гарантирующей всем личную свободу, она стала требовать, чтобы ее муж побольше работал, зарабатывал и проводил вечера дома, а не в шахматном клубе.

Однажды, вернувшись поздней ночью из клуба, Воронков не застал супруги дома. А на столе он нашел записку: "Ты меня променял на шахматную королеву... На ней и женись!"

На следующий день он решил с горя напиться до бесчувствия в баре на соседней улице. Для того, чтобы попасть в бар, надо было пройти через сквер, где за каменными столами играли в шахматы старички-пенсионеры. До бара он так и не дошел...

После развода с женой Воронков окончательно опустился, стал реже бриться, стричься, перестал бывать в людях и все свободное время проводил в парке или клубе. "Ничего не поделаешь, — думал он. — Аня ушла и уже не вернется. Значит, проиграл...: постыдно проиграл! Но теперь нечего терзаться совершенными ошибками... Жалко терять драгоценное время — надо играть в шахматы."

Придя домой после работы, Воронков ложится на полчаса отдохнуть. А дома тоска безысходная, скука тараканья. О заплытое окно бьетса одинокая муха. "Хорошо бы уйти от всего этого, — лениво мечтает он. — Переменить бы так образ жизни... уехать куда-нибудь подальше, в Калифорнию, что-ли?... Там, говорят, всегда тепло... можно круглый год сражаться в шахматки под пальмами..."

Отдохнув, Воронков бреется, надевает чистую рубашку и вызывает галстук. Сегодня пятница и он собирается идти в гости к Макаше Потапову — своему старому другу, тоже заядлому горе-шахматисту. Раньше Иван Николаевич заходил к нему довольно часто, но после того, как тот женился на Аниной подруге — Мэри, вернее на ее домике с садом, Потаповых можно теперь навещать лишь раз в неделю — по пятницам. В другие дни Мэри не разрешает мужу играть в шахматы.

Придя к Потаповым, Воронков галантно целует руку Мэри, молодой даме с властным лицом. Она полулежит в гостиной на диване и смотрит ковбойский фильм по телевидению. На экране бьют друг другу рожу, орут, палят из пистолетов, а в кухне рядом хозяйин дома мирно моет посуду, стуча тарелками. Словом — уютнейшая атмосфера среднего американского дома.

— Хэлло, Джон! — приветливо улыбается Потапова. — На шахматы к Макаше прискакали?

Обычно она не особенно жалуется друга своего мужа. Почему не она главная цель визита? Однако, на этот раз она почему-то сменила гнев на милость и даже приглашает гостя присесть на стульчик рядом с диваном.

— Обязательно на шахматы, Мэри Ивановна, — учтиво отвечает Воронков. — Вы же знаете, что шахматы — это мое единственное утешение в жизни.

— Знаю, как же, — морщится Потапова. — Потому вы и жену прошляпили, что шахматами забавлялись вместо того, чтобы делать "мони" и подниматься вверх по общественной лестнице.

— Мне наплевать на "мони" с высокой горки, — отрезал Воронков. — Да и карабкаться по лестницам я не такой уж охотник. Мы шахматисты — особый народ. За игрой мы забываем о повседневных заботах и всяких прелестях современного мира.

— Тем не менее, разве это красиво, из-за шахмат забывать жену, домашние обязанности?...

— Да, Мэри Ивановна, действительно, получилось не того, — охотно соглашается Иван Николаевич, — не желая вступать в спор со строгой хозяйкой. — Зато теперь, хо... хо...хо...я бы уже знал, как Аню удержать. Не повторил бы прежних ошибок. Но, увы! Прошлого не вернешь!

— А почему бы нет? — с лукавой усмешкой говорит Мэри. — А вдруг Аня захочет вернуться к вам?

— Не верю, — безнадежно махнул рукой Воронков. — Судьба никому не возвращает ходов. Жизнь — это не шахматы.

— Вы опять о шахматах? Забудьте о них! Но хорошо и то, что вы сознаете свои ошибки и решили их не повторять. Аня и в самом деле хочет вернуться к вам. Она сейчас в Нью-Йорке и звонила мне сегодня утром. Она очень торопилась и успела лишь сказать, что не прочь вас простить и забрать вас к себе в Калифорнию. Как вам это нравится?

— Да что вы говорите? — подпрыгнул на стуле гость. — Так значит, она не вышла второй раз замуж?

Не вставая с места, Мэри особым аппаратиком приглушила звук телевизионного аппарата.

— Представьте себе — нет. По-видимому у нее нет времени на романы. Она теперь большая шишка в Лос Анжелос. Заведует там громадной гостиницей и прекрасно зарабатывает. Сюда она прилетела всего лишь на один день по делам своей фирмы и сегодня же ночью улетает обратно. Расспрашивала о вас... тепло вспоминала...

Воронков воздел руки к потолку, точно играя на сцене, и воскликнул с аффектацией:

— О! Аня! Аня! Значит, помнит, любит... Но почему она не позвонила мне прямо на квартиру? Она же знает, что я ее еще люблю и готов на любые жертвы для совместного счастья.

— Ах, какой вы? А вдруг вы не захотите мириться? Вот она и решила сначала разузнать через меня, захотите ли вы забыть прошлое? Тем более, что она поставила одно условие...

— Согласен на любые условия, лишь бы она вернулась.

— Вы должны бросить шахматы, Джон!

Воронков сорвался с места и стал шагать большими шагами по гостиной, по дороге переворачивая стулья.

— И это все? Ах, Боже мой! — остановился он перед Мэри. — Да я без секунды колебания выкину к черту свою шахматную доску, сожгу фигуры. Ведь для того, чтобы выиграть партию, иногда необходимо жертвовать всеми фигурами.

— Вы опять за свое... То шахматами бредите, то шутите невпопад.

— Да нет, Мэри Ивановна. Я серьезно. Скажите, где Аня остановилась? Можно ли ее увидеть, поговорить?

— Вряд ли. Она очень занята и ее самолет улетает сегодня в одиннадцать ночи. Но она будет ждать вашего звонка ровно в десять. Вот, тогда и сможете с ней договориться. Однако, если вы ей не позвоните вовремя, она поймет, что вы не согласны на ее предложение, плюнет и улетит обратно в свой Лос Анжелос. Плакала тогда ваша Калифорния. Вот вам номер телефона Аниной гостиницы. Сейчас восемь. Значит, можете позвонить ей ровно через два часа. О-кэй? А теперь не мешайте мне смотреть телевизию.

Воронков с благоговением взял поданную ему Потаповой карточку с номером Аниного телефона и бережно спрятал ее в верхний кармашек пиджака.

— Большое вам спасибо, Мэри Ивановна, — сказал он почувствованным голосом. — Обязательно позвоню Ане ровно в десять, — он похлопал себя по кармашку. — Оставшиеся до десяти два часа буду сидеть как на иголках. А пока, чтобы убить время, разрешите мне сыграть с Макашей в шахматы. Где он?

— Муж в кухне за исполнением своих домашних обязанностей. Эй, Макаша! — громко зовет она своего супруга, стараясь перекричать телевидение. — Джон пришел.

Звон посуды в кухне прекращается и глава дома, без пиджака, с засученными рукавами рубахи, появляется в дверях с видом собаченки, почуявшей кость. В руках у него тарелка и кухонное полотенце. Он радостно здоровается с другом и впоследствии смотрит на жену.

— О кэй! Играйте, — милостиво разрешает она. — А я здесь досмотрю фильм.

Потапов оживает. На лице у него появляется хитренькая и довольная улыбка. Потирая руки, он достает из шкафчика шахматную доску и коробку с резными фигурами.

— Погоди, Ваня, — шепчет он сладострастно, подмигивая. — Сейчас покажу тебе, где раки зимуют. Попрыгаешь ты у меня!

— Смотри, чтобы сам цел остался, грозитя Воронков, повеселев. — Я новый дебют разучил. Во век не очухаешься...

— А я в калошу посажу тебя вместе с твоим дебютом.

— Не хвались, брат, идучи на рать!...

Они удаляются в самую дальнюю комнату и закрывают за собой плотно двери. Здесь тихо, спокойно, почти не слышно осточертелой трескотни из телевизора. В предвкушении ожидающего их наслаждения, игроки не спеша усаживаются поудобнее в кресла за столиком и любовно расставляют фигуры на доске. (Так курильщики опиум в притоне со сладким замиранием в сердце приготавливают дрожащими руками трубки и зелье).

Сразу же после первых ходов игроки уходят с головой в свой фантастический мир шахматных комбинаций, погружаются в раздумье, точно в глубокий сладкий сон вне времени и пространства.

Оба горе-шахматиста думают долго над каждым ходом, зздыхают, кряхтят. Воронков хватается за даму, но передумав, решает ходить другой фигурой.

— Так ты берешь свои ходы назад? — возмущается Макаша.

— Это не считается. Я схватил было даму левой рукой, а полагается правой. Вот теперь я хожу правильно. Правой...

— Что-то не слыхал я о таком правиле.

Воронков даже ухом не ведет и мурлычет под нос:

— Раз, два, три, четыре, пять — вышел зайчик погулять.

— А я бью твоего зайчика по башке, — отвечает Макаша. — Не ходи гулять босиком!

— Беру твою пешку и объявляю шах королю. Видал миндал?

Его партнер начинает хохотать, так что фигуры подпрыгивают на доске.

— Да ты же свою собственную пешку слопал, ха ха ха... — давится он от смеха. — И объявил шах собственному королю.

— Действительно, — смущенно лепечет Воронков. — Фигуры у тебя, брат, старые, засаленные. Не отличишь даже, какие черные, какие белые.

Тем временем по телевидению кончился фильм, и Мэри, заскучав, стала звать мужа.

— Макаша! Эй, Макаша! — заорала она на весь дом. — Подика сюда, болван! Чего мокрую тряпку оставил на диване? Вечно тебя надо порядку учить.

— Если ты так, то я этак! — вполголоса раздумывает Потапов, не обращая внимания на женины оклики. — Я сюда, а ты туда... я туда, тогда ты сюда, а я опять туда...

— Макаша, оглох, что ли? — сердится в гостиной Мэри. — Я же тебя зову.

Вырванный из шахматного дурмана, Потапов недовольно прислушивается к крикам и тяжело вздыхает.

— Извини, Ваня, — говорит он с тоской в голосе. — Жена чего-то характерится.

Он нехотя поднимается и плетется в гостиную. Вскоре оттуда доносятся гневные крики Мэри и робкие реплики Макаши.

— "Очередная перебранка между супругами, — думает Воронков. — Вот и женись тут! Конечно, Мэри — порядочная мегера! Аня не такая! А все таки в Калифорнии меня ожидает не такая уж сладкая жизнь: придется поработать, помочь Ане в управлении гостиницей. К тому же надо будет каждый день бриться, шеголять этаким чучелом в белом пиджаке... кланяться разным хамам... Но, может быть, это все таки лучше, чем теперешнее одиночество!?"

Возвращается Макаша с бутербродами и двумя бутылками "кока кола" на подносе. Щеки его пылают, а вид у него как у побитой собаки, убегающей из-под плетки с поджатым хвостом.

— Сдаюсь, — говорит он, не глядя на доску. — Давай играть новую партию.

Воронков вне себя от радости. Теперь он опять покажет этому "сапожнику" где раки зимуют. Ах, как приятно выигрывать в шахматы! И что в мире может сравниться с ловко задуманной комбинацией, выигрышем пешки или целой фигуры?... Какая радость, какое звериное наслаждение добивать издыхающего противника... играть с ним как кошка с мышкой... Ах, как сладка победа в бескровной, но тем не менее, жестокой борьбе на шахматной доске!

Пока гость расставляет фигуры для новой партии, Потапов, трусливо оглядываясь на закрытые двери в спальню, шепчет:

— Ты только погляди, Ваня, как я живу! Хуже собаки.... Целый день ишачу на фабрике, а весь мой заработок забирает Мэри. Еще посуду велит мне мыть. И пол... "Такой, — говорит, — обычай в Америке" А разве это американский обычай лаяться без толку. Или, скажем — драться?... Да еще запрещает мне ходить в клуб. Прямо не знаю, с кем же мне играть в шахматы, когда ты улетишь в Калифорнию?

— Знаешь что? Брось ее к черту! Оставь записку на столе: "Найди себе другого судомоя! Гуд бай!" — и поезжай со мной в Калифорнию. Будешь там помогать нам в гостинице. А по вечерам будем с тобой шпарить в шахматы.

Потапов сердито отмахивается.

— Да что ты? А дом? А привычная работа? Я же семьянин! К тому же, тебе нельзя будет играть больше в шахматы. Разве ты забыл об Анином условии?

— Да, забыл, — упавшим голосом говорит Воронков.

И, скосив взгляд на доску, он уже думает лишь о том, как бы так сыграть, чтобы напакостить другу.

— Тра ля, ля, мы напали на слона, — бормочет он, двигая одну из фигур. — Позвольте вам выйти вон!

— Я уйду, но сейчас покажу тебе кузькину мать!

Оба игрока опять погружаются в шахматную нирвану и, позабыв все на свете, бормочут угрозы друг другу.

— Джон, — раздается вдруг крик из гостиной. — Скоро десять...

— Макаша, слышишь? — рассеяно говорит Иван Николаевич. — Мэри там опять харахорится... Смотри, разиня, снимаю твою пешку.

— А я беру твою... Это Мэри тебя зовет, а не меня. Значит, вспомнила таки, зараза, что тебе надо позвонить Ане. Ну как? Пойдешь в гостиную? К телефону пойдешь? А?

— К телефону, говоришь? А зачем?

— Чтобы позвонить по телефону. Ане. В десять часов...

— В десять, говоришь? А сам слонем зачем сюда залез? К телефону меня гонишь, зубы заговариваешь, а сам какую-то каверзу мне готовишь...

— Никакой каверзы я не готовлю, — уверяет его Макаша. — Попросту хочу тебя погнать ко всем чертям, чтобы ты не крутился возле моего короля. Но, может быть, ты не хочешь звонить Ане? Раздумал? Струсил?... Скажи прямо и я тебя выведу отсюда черным ходом, чтобы Мэри не видела, а то тебе попадет от нее. Ну, не хочешь, как хочешь. Как бы то ни было... уходи вон, а то побью...

— Меня побьешь? За что?

— Да не тебя, а твоего коня. Значит, пойдешь?

— Конечно, пойду... не торопи меня. Только еще не решил, куда?

— Как это — куда? — удивляется Макаша. — В гостиную... к телефону...

— Ах, в гостиную... А я думал, ты спрашиваешь — куда конем пойду? — задумчиво мычит Воронков, уткнувшись в доску. — Нет, брат, в гостиную я не пойду. Зачем коню идти в гостиную? Уж лучше ладьей... выиграть королеву. Хочешь, чтоо я конем лез в гостиную. Да еще звонил? Как это так? Чтобы конь звонил? Не понимаю. Зачем коню звонить?

— Да не конь чтобы звонил, а ты, — кричит Макаша. — Это тебе надо позвонить Ане.

— Ладно, сейчас пойду. Надо так надо! Дай лишь подумать, как пойти, а потом буду звонить...

— Джон! — раздается опять крик из гостиной. — Заснули?

— Бегу, Мэри Ивановна, — кричит в ответ Воронков, нехотя поднимаясь с места. — Бегу, бегу!

— Ишь ты, какая настырная! — говорит он тихо, все еще не отрывая взгляда от доски. — Может быть, она таки права. Шахматы шахматами, а жена... Калифорния... это тебе не фунт изюма! А тут тебе, Макаша, как. Беру королеву или мат...

Он делает решающий ход и не спеша направляется к двери.

Мэри была уже в ночном капотике и ждала его в дверях спальни. Завидев Воронкова, она повелительным жестом указала ему на телефон в углу и скрылась за дверь, однако оставив ее чуть приоткрытой.

Вынув из верхнего кармашка пиджака карточку с номером Аниного телефона, Воронков снял трубку и, напевая что-то под нос, накрутил номер.

В трубке послышался женский голос.

— Хэлло! — произнес он торжественным тоном. — Это ты, Аня? Тут Ваня! Ты хотела со мной поговорить, дорогая? **Excuse me...** — замялся он, переходя на английский. — Я хотел бы говорить с мисс Анн... Она меня просила позвонить ей в десять... Что? Ее нет?... Уехала на аэродром? Полчаса тому назад? Не понимаю... Хэлло! Что такое? Она велела мне передать, что раздумала... Сожалеет... Улетает одна... И что у нее другие планы!... Так вам сказала? Вы уверены? **Thank you!**

Воронков с треском повесил трубку и, театральным жестом обхватив голову руками, упал на кресло.

— Вы слышали? — дрожащим голосом спросил он Мэри, внезапно появившуюся из-за двери. — Ты слышал, Макаша? Аня оставила меня в дураках. Вот и верь после этого женщинам... Мэри Ивановна, скажите, разве так можно поступать?

Однако, вместо того, чтобы его утешить, Мэри лишь зашепела:

— Так тебе и надо! Нытик! Пешка несчастная!

И величественно удалилась, сильно хлопнув дверью.

А Потапов, не зная, радоваться ли ему или плакать, стоял в безмолвном отчаянии над своим несчастным другом и ломал руки.

Как только Мэри ушла, Воронков перестал скулить и, вскочив на ноги, спокойно сказал:

— Ничего не попишешь, Макаша. Видно, такая моя судьба. А теперь идем кончать партию. Твой ход.

Изумленный Потапов поплелся вслед за гостем обратно в кабинет, где на шахматной доске в кругу лампы с зеленым абажуром застыло несколько уцелевших после боя фигур.

Взглянув на доску, Макаша в отчаянии махнул рукой.

— Доконал ты меня, Ваня! Сдаюсь. Не понимаю только, как ты можешь думать о шахматах, когда тебя постиг такой удар?

— Какой удар? — удивился Воронков. — Неужели ты полагаешь, что я на самом деле звонил Ане?

И он хладнокровно стал расставлять фигуры на доске.

— Кому же ты звонил в таком случае?

— Я набрал номер бюро предсказаний погоды и все время разговаривал с пластинкой... Завтра ожидается теплая солнечная погода, малая влажность и будет дуть западный ветерок со скоростью пять миль в час. Пойду на целый день в парк играть в шахматы.

ЗАВТРАШНЯЯ ГАЗЕТА

ИВАН Петрович Скакун — многолетний одинокий пенсионер, — встал в день своего рождения как всегда около девяти утра, помылся и поставил на огонь чайник. Когда вода вскипела, он наполнил кипятком свою любимую большую кружку, засыпал его обескофеиненным кофе и забелил обезжиренным молоком. Затем потянулся было к сахарнице, но сразу же отдернул руку, вспомнив предписание врача избегать сахара, масла, сливок, сдобных булок и других вкусных вещей. С горечью подумал, что, если не считать последнего, американского периода его жизни, судьба его никогда не баловала хорошей едой — ни в советском «раю», ни в военной Германии, ни в лагерях Дипи. В Америке же всего вдоволь, а ему ничего нельзя: полнота, одышка, артериосклероз...

Вздыхнув, он вынул из селлофанового мешочка ломтик обесоленного хлеба, положил на него кусок обезжиренного творога и, по привычке помешав ложечкой пустое кофе, принялся завтракать. Но какой же это завтрак для российского эмигранта без своей русской газетки? Скакун достал полученную вчера по почте позавчерашнюю газету и стал ее просматривать.

Жуя свой безвкусный завтрак, он механически пробежал глазами новости четырехдневной давности и без особого веселья размышлял: «Сегодня, значит, четверг двенадцатого апреля и мне стукнуло восемьдесят лет... И вот, в день рождения мне приходится есть хлеб без соли, пить горькое кофе и читать позавчерашнюю газету. Допустим — диета необходима. Сахар, сливки, булочки — вредны для здоровья и укорачивают жизнь. Согласен. Хотя, какая мне радость от того, что проживу еще парочку лет, нитаясь одними обезвреженными продуктами? Но с какой стати я должен постоянно читать старые газеты? Дудки! Раз сегодня мой день рождения можно купить и сегодняшнюю. Оно даже полезно для здоровья быть в курсе мировых событий... А потом... потом, на зло докторам заварю себе настоящего кофе со сливками, сахаром и прочими холестериолями. Праздник так праздник! Знай наших!».

Повеселев, Скакун встал, побрился, оделся, да так быстро, что на все это ему потребовалось всего-навсего полтора часа, вместо обычных трех.

«Вчера, кажется, новый газетный киоск открылся на нашем углу, — думал он, сходя вниз. — Так что не надо далеко хо-

дить. Только продавец там какой-то странный... Развесил у себя над головой обезьяньи чучела. Да и сам он похож на маленькую обезьяну. Но главное — русские газеты у него имеются».

К его удивлению будка с газетами оказалась не на углу, а перед самым его домом. «Странно, — подумал он. — За ночь перекочевала, что ли?» На мгновение ему показалось, что и киоск, и дома на улице ненастоящие, а сплошная бутафория. Однако, жизнь вокруг текла по старому: в небе светило солнце, по улице бегали соседские мальчишки. На углу, выпустив сирую струю дыма, остановился большой зеленый автобус.

Увидев Скакуна, продавец в киоске поманил его к себе рукой. Это был маленький, сухонький старичок, похожий на гнома из сказок. Над его головой качались на нитках чучела, похожие на маленьких обезьяноч.

— Здравствуйте, Иван Петрович! — воскликнул он по-русски. — А я вас жду, не дождусь.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — удивился пенсионер. — И по-русски говорите?

— Я всех здесь знаю, — ответил гном. — Все здесь мои клиенты.

— Странно, — сказал Скакун и от изумления чуть было не забыл, зачем пришел. — Ага, дайте мне, пожалуйста, сегодняшнюю русскую газету. Надоело читать вчерашние и позавчерашние номера, что по почте приходят. А что это у вас за мартышки в будке? — любопытствовал он.

— Это не мартышки, а бывшие люди. Полюбуйтесь! — с этими словами он потянул за шнурок и чучела прыгали вверх и вниз над его головой.

— Гм... вот комедия! — заметил Иван Петрович, не зная, что думать.

— Вся наша жизнь — комедия, — ответил старичок саркастически улыбаясь и протянул ему газету.

Заплатив что следовало, Скакун не торопился уходить. Ему страсть как хотелось поболтать со странным продавцом газет.

— Хорошо, что ваша будка так близко, — сказал он. — Мне только вниз сойти. Может быть зайду и завтра за газетой.

— Завтра киоск будет закрыт, — ответил гном и добавил таинственным шопотом: — Однако, если вам очень хочется иметь завтрашнюю газету, так можете ее купить сейчас. Продам ее вам в виде исключения.

— Шутите! Как это так — завтрашний номер сегодня?

— Очень интересная газета, Иван Петрович. Не пожалееете. Узнаете все, что случилось сегодня, или еще случится...

Скакун потоптался возле киоска в недоумении.

— Ладно, дайте. Прямо интересно, чего только люди ни выдумают.

Дожив до семидесятых годов двадцатого столетия, Скакун положил себе за правило ничему не удивляться. «Что, если человеческий гений, создавший атомную бомбу и компьютеры, сумел изобрести газету, печатающую сегодня завтрашние новости? — подумал он, ошарашенный необыкновенным предложением. —

Возможно, что это какой-то газетный трюк. Печатают же в Европе газеты с датой следующего дня».

Немного успокоенный, Скаун купил вторую газету, и, попрощавшись со старичком в будке, поплелся домой. Мысли его путались, в глазах стояло насмешливо улыбающееся личико продавца и мелькали обезьяньи мордочки чучел над его головой. Затем проехал автобус и все заволокло клубами сизого дыма.

— «Комедия какая-то, — думал Иван Петрович, нервно подергивая плечами. — Бывшие люди!... Завтрашняя газета!... Ну, ладно, посмотрим, что там случилось сегодня, о чем напишут лишь завтра. Или уже написали? Нет, ничего не понимаю».

Придя домой, Скаун сел за стол и, забыв о своем намерении полакомиться ради праздника кофейком со сливками, развернул купленные газеты. Сегодняшняя его уже не интересовала. Зато другая — завтрашняя, датированная пятницей 13-го апреля

привлекла его внимание; она была как бы окошечком в будущее, куда ему представлялась возможность заглянуть.

К его разочарованию, ничего особенного в завтрашней газете не было. В политике как в политике — вечные совещания, речи... а дальше — новый скандал в городе... нападение на русского... какие-то демонстрации, забастовки... в общем все такое, о чем пишут каждый день. Статьи, конечно, новые.

Затем его взгляд упал на местную хронику и он с интересом стал читать, что сегодня произошло в их городе. К его удивлению в хронике упоминалась его фамилия: Скаун. Заметка сообщала, что «...В четверг 12-го апреля скоропостижно скончался в своей квартире пенсионер Иван Петрович Скаун, 80 лет. Родственники неизвестны...»

Иван Петрович читал и перечитывал извещение, пока наконец не понял, что это речь о нем самом. Тогда он сразу почувствовал страшную тяжесть на сердце, захрипел и стал рвать на себе ворот.

ОПЕРАЦИЯ ДАЗДРАВШ

Отперев утром магазин с русскими игрушками под фирмой — "Ванька-Встанька", зав Матрешкин обнаружил внутри какого-то прыщавого типа, преспокойно храпевшего на диване.

— К... кто ты? К... как ты сюда попал, сукин кот? — выдавил из себя зав и потянулся было за наганом, но дело было не на Лубянке, а в Нью-Йорке и револьвера при нем не оказалось.

— Да я по делу к товарищу уборщику, — ответил непрощенный гость, зевая. — Извиняюсь, что ночью вломился, да уж очень не хотелось дожидаться на улице пока откроете. А тут вижу: замки у вас хреновые. Открыть их — дело плевое.

Вошли два молодца-продавца со свирепыми мордами, распространяя запах винного перегара.

— Товарищи! — взвыл Матрешкин. — Вот этот хулиган забрался ночью в магазин и заливаает, что по делу. Ведь мы в Америке, кажется. Чужой дом здесь вроде как святыня...

Без лишних разговоров молодцы набросились на нахала, скрутили ему руки и устроили "шмон" — обыск по всем правилам чекистского искусства.

* * *

Забравшегося в магазин прыщавого типа звали Петром Попальским. По профессии был он взломщик, известный в Чикаго специалист по несгораемым кассам. У него было такое тонкое чутье в пальцах и имелись такие замечательные отмычки, что не было такого сейфа, которого бы он не сумел открыть. Работал Попальский обычно не в одиночку, а в компании с крупными воровскими синдикатами. За определенную долю в добыче они нанимали его для вскрытия намеченных ими сейфов, подобно тому, как например лечебницы приглашают специалиста-хирурга для вскрытия черепов и карманов богатых пациентов, делясь затем с ним добычей.

Несмотря на свои успехи на бандитском поприще, Попальский сознавал, что далеко ему до настоящих бандитов мирового масштаба, орудующих путем революций и экспроприаций. В надежде

пожиться в их честной компании, он записался в коммунистическую партию и предложил парторгу чикагской ячейки свои профессиональные услуги. "Работаю я на мафию и разные ассоциации убийц, — сказал он. — С таким же успехом могу поработать на нашу родную партию".

Парторг ухватился за предложение взломщика и дал знать о находке своему начальству, которое как раз нуждалось в специализисте этого рода.

Проверив безупречное уголовное прошлое Попальского, и убедившись, что он действительно социально-близкий к коммунистам элемент, парторг, оказавшийся неплохим и словоохотливым парнем, вызвал его к себе и официально сообщил:

— Питер, мать твою за ногу... Наша великая партия решила оказать тебе доверие и вызывает тебя в главное управление ДАЗДРАВША в Нью Йорке, где тебе дадут задание на большой палец с присыпкой.

— Надравшись?... — не разобрал Попальский. — И что это за задание на большой палец?

— Не "надравшись", а ДАЗДРАВШ, — поморщился парторг. — Вероятно ты слышал, что такое "СМЕРШ"? Это сокращение слов "Смерть шпионам", работающим на иностранные разведки. А ДАЗДРАВШ значит: "Да здравствуют шпионы", конечно те, которые работают на нас. Это засекреченная советская агентура за границей и ее штаб-квартира находится в магазине "Ванька-Встанька" в Нью Йорке. Сейчас им до зарезу нужен верный партийный человек, специалист по кассам. Понимаешь, спустили им сверху директиву: срочно доставить в Москву революционные планы маотроцкистов, хранящиеся в стальном сейфе где-то в Нью Йорке, и надо их оттуда выкрасть прежде, чем они попадут в руки журналистов. Охотников за секретами и взломщиков-любителей развелось теперь в Америке видимо-невидимо. Только хлеб отбирают у наших разведчиков. Наши лезут из кожи вон, чтобы раздобыть какую-нибудь секретную информацию, а она, глядь, появляется во всех газетах... Нашей партии необходимо прежде других ознакомиться с преступной программой мао-пределей, так как мы не можем им позволить заниматься без спроса свержением буржуазного строя... Значит, кати. Питер, в Нью Йорк. Вот тебе рекомендательное письмо к уборщику "Ваньки-Встаньки".

— Почему же к уборщику, а не к директору, или, например, к заву?

— Тыквенная ты голова! Сказано же тебе, что там у них засекреченное учреждение, усё наоборот запланировано для маскировки. Зав там на самом деле мелкая сошка, всего лишь в чине сержанта. Зато всеми делами заворачивает уборщик — генерал госбезопасности Золоторучка.

* * *

Молодцы-продавцы как раз кончили обыскивать нахала, как в магазин вошел уборщик в синей блузе.

— Что вы тут барахлитесь? Кто это? — спросил он властным тоном.

Зав и оба молодца вытянулись в струнку.

— Какой-то Попальский попался, товарищ начальник, — сказал зав. — Вломился к нам ночью, мать его тарарам!.. При обыске мы нашли у него в бумажнике сто долларов и письмо к вам от парт-орга чикагской ячейки.

— Ага, — уборщик пожал руку гостя. — Знаю. Мастер по кассам. Парторг звонил. Только чего же ты, паря, залез к нам ночью? Не мог обождать, пока откроют магазин?

— Да хотелось похвастаться перед вами какой я умелец. Какие хошь замки разделаю.

— Ну, ладно, черт с тобой. Поможешь нам вскрыть один сейфик в городе. Орденк зарабатываешь.

— Орден вы сами берите, товарищ начальник. Я предпочитаю денежки на бочку.

— Эх ты, америкашка, — генерал-уборщик похлопал взломщика по плечу. — Хотя ты и коммунист, а капиталистический дух из тебя не выветрился. Так вот слушай: операция назначена на завтра, в ноль ноль часов, ноль ноль минут, иначе говоря — ровно в полночь. Вот эти два молодца — младший лейтенант Ванька и сержант Встанька уже все подготовили. Сейчас пойдете на рекогносцировку. Который же это час сейчас?

Он взглянул на запястье левой руки, где должны были быть часы, но их не оказалось.

— Ах ты, босявка, — рассердился начальник. — Что ты из-под себя думаешь? Давай часы обратно, мать твою... Еще не знаешь, с кем имеешь дело!

С кривой усмешкой вор вытряхнул из рукава золотые часы генерала.

— Это я нарочно, товарищ начальник. Хотел вам показать какой я умелец.

Похлопав себя по карману, он удивленно воскликнул:

— А вы, товарищ генерал, оказывается, тоже умелец. Бумажник у меня вытащили под шумок.

* * *

В тот же день взломщик-гастролер отправился с обоими молодцами на рекогносцировку. Штаб-квартира мао-троцкистов, куда ему предстояло проникнуть, занимала весь третий этаж небольшого небоскреба в районе 14-ой улицы. Ввиду того, что революционеры ставили себе целью ниспровержение существующего строя в США, их помещение бережно охранялось федеральными агентами, дежурившими круглые сутки в вестибюле небоскреба. Кроме парадного хода, где находились лифты, сбоку

здания имелась черная лестница, которую никто не охранял, но на ночь запирали на ключ.

Попальский поднялся по этой лестнице на третий этаж и влез в помещение длинноволосых революционеров, будто бы заблудился... Его шибко вышибли оттуда, но он успел ознакомиться с расположением комнат и запомнить где находится сейф.

Ваньки - Встаньки сообщили ему, что, по их сведениям, дежурный агент в вестибюле смотрит ночью телевизор и не обращает внимания на то, что происходит вокруг. Вот тогда и представляется возможность незаметно открыть отмычкой двери черного хода и проникнуть в пустые конторы на третьем этаже. А там Попальский перережет провода тревожных сигналов и займется сейфом. Открыв его, он выберет оттуда находящиеся в нем бумаги и преспокойно сойдет вниз.

У входа его будут поджидать в машине Ванька с Встанькой. Они же дадут условный гудок в случае опасности, если, например, агент в вестибюле вздумает проверять входы и выходы.

Больше всего генерал опасался, чтобы не попались его помощники, так как это грозило бы катастрофой агентуре.

— Смотри, Питер, если попадешься, нас не впутывай, — инструктировал он взломщика. — Допрашивать с пристрастием тебя не станут. Здесь ведь Америка, а не... гм... скажем — Китай. Кроме того, ты не президент какой, чтобы тебя сразу зачислили в преступники из-за какого-то неудавшегося взлома. Если в суде заявишь, что ты честный профессиональный вор и искал лишь денег, а не халтурщик "водопроводчик", нанятый политиканами для подслушивания, тебя выпустят на поруки как пить дать. А мы уж позаботимся о том, чтобы был внесен залог и тебя освободили. Так что можешь работать спокойно. Лифт на третьем этаже в это время бывает заперт на ключ и никто тебя не потревожит.

— А если случайно кто вопреется?

— Ночью? Да в том доме одни лишь конторы и никто туда не заглядывает. Разве что уборщицы, да и те на третий не заходят.

* * *

В назначенный день оба чекиста выпили по триста и точно в полночь лихо подкатили к небоскребу, поставив машину у самого входа на черную лестницу. Сержант Встанька остался в машине, а лейтенант Ванька выскочил горошком и побежал в вестибюль следить за дежурным агентом. Тем временем Попальский, посвистывая, кинулся к черному ходу и, быстро отперев двери, вбежал на третий этаж. Там, освещая себе дорогу электрическим фонариком, он отмычкой открыл двери в контору мао-троцкистов, пробрался к сейфу и стал ковыряться в его механизме. Запланированная генералом операция ДАЗДРАВШа шла как по маслу...

Разыгрывая пьяньего, что, впрочем, вышло у него как

нельзя натуральней, Ванька заглянул в вестибюль. В углу дремал швейцар, несколько ночных уборщиц с ведрами и швабрами стояли перед закрытыми дверями лифта да дежурный детектив смотрел телевизионную передачу на маленьком аппарате, ни на кого не обращая внимания. Чекист вернулся к машине и сообщил сержанту Встаньке, что все в порядке, затем направился обратно в вестибюль. Когда он подходил к парадному подъезду, неожиданно затрещал сигнал тревоги.

Сразу началась кутерьма. Швейцар вскочил как ошпаренный, агент оторвался от телевизии и бросился к телефону. Откуда ни возьмись появился полицейский, затем еще один и через несколько минут раздалась гудки сирены.

Сообразив, что их накрыли, Встанька жалобно загудел несколько раз в своем автомобиле, сигнализируя Питеру об опасности. Затем, не дожидаясь товарищей, дал газ и умчался в панике. Вслед за ним постыдно бежал с поля битвы сам генерал Золоторучка, наблюдавший за ходом операции из своей машины. Лейтенанту Ваньке пришлось ретироваться на своих двоих.

Кто знает, может быть операция ДАЗДРАВШ удалась бы, если бы одна из уборщиц, направляясь на восьмой этаж, где она должна была убирать конторы, по ошибке не нажала в лифте кнопку третьего этажа.

Уборщица эта была пожилая русская дама, известная в эмигрантских кругах как "тетя Саня". В течение многих лет убирая конторы по ночам, она так привыкла к этой спокойной неторопливой работе, что и не думала ее бросать, хотя ей пора уже была выйти на пенсию. Возвращаться ночью домой бывало опасно — на нее неоднократно нападали бандиты, избивали ее, вырывали из рук сумочку, но она не сдавалась и ходила на работу со шваброй на палке, которой и отбивалась от хулиганов. В общем, боевая была старушка.

Так вот, когда тетя Саня нажала не ту кнопку, лифт остановился на третьем этаже, но двери не открылись. Сквозь щель она увидела свет фонарика в темном обычно в это время помещении. Со страху она нажала сигнал тревоги.

Сразу на всех этажах затрещали звонки и двери лифта автоматически открылись. Увидев чужого человека с фонариком возле кассы, уборщица не долго думая кинулась на него со своей шваброй на палке.

— Кто ты такой?... Геть! — крикнула она по-русски.

Попальский обомлел от неожиданности и лишь шикнул в ответ:

— Ш...ш...ш... молчи, стерва!

— Ах ты, паршивец! Еще ругаешься?! Вот тебе! — завопила она и как съездит незадачливого взломщика палкой по физиономии — у него и зуб вон...

А на улице уже выли полицейские сирены и на лестнице слышался тяжелый топот...

* * *

Так провалилась операция ДАЗДРАВШ и Москва не получила от своей незадачливой агентуры секретных планов мао-троцкистов.

Попальский, конечно, попался, но сидеть под арестом ему пришлось недолго. Фирма "Ванька-Встанька" анонимно внесла за него залог и его выпустили на поруки. Нанятые той же фирмой ловкие адвокаты так повели дело, что отсиживать ему не пришлось. Залез де человек по ошибке в чужую квартиру, ничего не украл, никого не убил, марихуаны не курил, полиции не сопротивлялся... за что же его наказывать? Политического скандала тоже не получилось, так как к участию в этом взломе нельзя было притянуть за волосы никого из вашингтонских деятелей. Вот и гуляет сейчас Попальский на свободе и дальше занимается своим доходным делом, работая на воровские синдикаты, на мафию, Ассоциацию убийц, но уже больше не на родную партию, так как ему Москва ничего не заплатила за его труды.

Зато тете Сане пришлось посидеть, так как за нее некому было внести залога. Ее обвинили в неспровоцированном нападении на Попальского, нанесении ему побоев и телесных повреждений, а также в нарушении его конституционных прав...

В конце концов ее, однако, выпустили, обязав заплатить дантисту за вставленный взломщику новый зуб. И на том спасибо!

Тайная агентура "ДАЗДРАВШ" здравствует до сих пор. И магазин с игрушками "Ванька-Встанька" тоже процветает. Только пол там уже подметает другой уборщик. Генерала Золоторучку вызвали срочно в Москву отчитываться за то, что плохо мел.

КЛИНИКА ВОЗВРАЩЕНИЯ МОЛОДОСТИ

Эта хваленая клиника забралась куда-то к черту на кулички — в курортный городок Оберстдорф в Баварских Альпах. Чтобы туда добраться, Рыкуновым пришлось сначала лететь в Мюнхен, а оттуда тащиться во взятом напрокат автомобиле на юг, в горы.

Иван Петрович страдал одышкой и ему уже было трудно ходить, но ездить в машине он любил и не прочь был совершить эту, может быть последнюю в жизни, туристическую поездку. Тем более, что он ожидал от нее невероятных, ему непостижимых результатов: возвращения молодости и полного выздоровления.

Ах, эта старость и болезни! Ведь до сих пор Рыкунов даже не знал что такое хворь. Сталинские лагеря выдержал... войну и плен пережил... в бельгийских шахтах ишачил, а приехав в Америку, стал работать по шестнадцать часов в сутки — и на здоровье не мог пожаловаться. Так и жил Иван Петрович в полной уверенности, что его организм все выдержит, был не дурак выпить и хорошо поесть. Однако, когда ему пошел восьмой десяток, он почувствовал, что и сердце у него сдает и печень пошаливает...

— Вообще все органы у вас расшалились, — огорошил его врач.

— Ишь ты! Чего это они вдруг шалить вздумали? — кисло пошутил Иван Петрович. — А что, если этих шалунов выбросить к чертовой бабушке и заменить их новыми органами, более солидными? Только и слышишь теперь об операциях по пересадке то сердца, то почек, то еще чего-нибудь...

— Будь вы, скажем, автомобиль или иная машина, то при желании ловкий механик мог бы выкинуть из вашего нутра все износившиеся части и заменить их новыми, — ответил доктор. — Но вы не машина, а человек, и полностью отремонтировать вас невозможно. Бросьте курить, пить, соблюдайте диету, принимайте пилюли, которые я вам пропишу, и еще годик-два поживете на белом свете в свое удовольствие.

— ... Хорошее мне удовольствие? — пожаловался Иван Петрович жене. — Того нельзя, сего нельзя, лекарства глотай... Без палки ни шагу. Разве это жизнь?

— Не унывай, Баян, — попыталась утешить его супруга. — Бывают удивительные случаи выздоровления. Помнишь такого Николина, церковного старосту? Был у нас с визитом в прошлом году. Тогда он еле ноги волочил и казалось, что долго не протянет.

— Как же, помню. Старорежимный старичек, который только и говорил о своих болезнях и о безнадежности жизни в эмиграции.

— Тот самый. Вообрази себе, этот доходяга выздоровел, помолодел, успешно играет на бирже и в церкви больше носу не кажет. Говорят, будто он продал свою душу черту...

— Ерунда! Видно нашел хорошего врача. Вот бы мне такого.

— А сам он рассказывает, что знает такую лечебницу, где успешно лечат все старческие болезни путем пересадки органов и уколами китайских иголок. Брешет верно...

— А может и правда. Хорошо бы его найти и расспросить, где находится эта лечебница. Чем черт не шутит?!

Разыскав телефон Николина, Рыкунов пригласил его к себе на ужин.

Когда тот явился, они не могли поверить, что этот молодежавый господин с военной выправкой и есть тот самый дряхлый старик, который к ним приходил в прошлом году за пожертвованиями.

С места в карьер гость принялся ругать Америку за плохо поставленное медицинское обслуживание стариков в этой стране. Затем он сообщил, что недавно сам прошел курс омоложения в клинике некоего доктора Тойфеля в Германии. Захлебываясь от восторга он рассказал, что ему там сделали ряд операций, после которых он чувствует себя так, будто ему сняли лет сорок с плеч.

— Стоит это лечение сравнительно недорого, но перед тем, как лечь в больницу вы должны подписать бумагу, что всецело предоставляете себя в ихнее распоряжение и снимаете с них всякую ответственность за последствия операций. Ведь может случиться, что у вас изменится не только лишь внешний вид, но и ваши привычки и характер. Я, например, после операции настолько переменялся во взглядах и вкусах, что теперь никак не могу найти общего языка с моими прежними друзьями, застрявшими в стариках. Да я и не в претензии на клинику. Теперь, когда я опять молод, не думаю больше о болезнях и смерти, зато с энтузиазмом гляжу в светлое будущее... Советую вам сегодня же написать доктору Тойфелю и забронировать койку в лечебнице.

– Боюсь я за тебя, – сказала Рыкунова, когда гость уехал. – Всадят тебе там сердце и почки от трупа или из пластмассы. Дело там нечистое, чертом пахнет... Ведь "Тойфель" по-немецки значит "черт". Заставит он тебя подписать кабальную грамоту и пропадешь ни за понюшку табаку.

– Я готов ему душу продать, лишь бы опять стать молодым и здоровым как Николин, – отрезал Рыкунов. – После советских "архипелагов" мне никакой черт не страшен.

В ответ на запрос Ивана Петровича из "Клиники возвращения молодости" сообщили, что у них есть свободные койки – милости просим, приезжайте, *Bitte sehr!*

Вместе с письмом из клиники пришла кипа проспектов и брошюр с красочными фотографиями омоложенных старичков и научными статьями, превозносящими до небес методы пересадки органов, применяемые доктором Тойфелем.

– Что ж? Летим в эту чертову клинику, – сказал Иван Петрович жене. – Будешь жить там рядом в гостинице и постоянно наведываться в лечебницу. Пусть не воображают, что меня так легко закабалить.

х х х

Германию Рыкуновы помнили еще с дипишеских времен, когда они жили в лагере на положении бедных "ауслендеров". Уезжая в Америку, они с радостью покидали разрушенную войной страну. А теперь Рыкуновы прилетели в отстроенную с иголки новую Германию богатыми туристами, гражданами самой могущественной державы в мире.

Сразу им бросилась в глаза огромная разница между первыми послевоенными годами и нынешним временем. Тогда, несмотря на руины и пустые магазины, немецкая молодежь была подтянута и вежлива. Вернувшиеся из советского плена солдаты рассказывали о "прелестях" коммунизма и рядовые немцы содрогались от мысли, что если бы не американцы, то красная мразь без труда залила бы всю Германию.

Теперьшняя же молодежь показалась им какой-то расхлябанной и охамевшей. На вокзалах и улицах Мюнхена лохматые молодые люди с красными значками в петлицах пиджаков совали прохожим марксистские брошюры и журнальчики, требующие ухода американцев из Германии. Кое-где попадались красные флаги.

При виде портретов Маркса и Ленина, расклеенных на заборах и стенах домов, Рыкунов зарычал сквозь зубы:

– Куда только не занесет эту заразу!

Прикатив в Оберстдорф в нанятом автомобиле, они остановились в гостинице и по телефону условились о визите в клинику на следующий день.

Сунув в лапу портье несколько долларов, Иван Петрович стал его расспрашивать, что в городе говорят о клинике доктора Тойфеля. Швейцар пробормотал, что "да, мол, прут туда хмары стариков на костылях и в колясках, а через некоторое время – смотришь, те же инвалиды уже маршируют парадным шагом на площади, где когда-то обучались солдаты эсэс... Однако, местные пожилые жители ни за что не пойдут туда лечиться. Боятся, что там их подменят и они вернуться домой совершенно другими людьми."

Рыкунову стало не по себе, но все таки он решил попробовать счастья и на следующий день отправился вместе с женой в клинику – очень уж ему хотелось помолодеть.

Лечебница доктора Тойфеля произвела на них странное впечатление. Помещалась она в бывших казармах войск эсэс далеко за городом, в ущельи между двумя горами и была обведена высокой каменной стеной. У ворот их встретили вооруженные стражники в черных мундирах. Рыкуновым пришлось показать им паспорт и удостоверение личности, точно там была уже другая страна. После тщательной проверки документов Иван Петрович получил пропуск в главное здание к директору, а жена осталась поджидать его в автомобиле у подъезда.

Кряхтя от усилия и постукивая своей палкой, Рыкунов поднялся по лестнице главного входа. Стражник с откормленной наглой рожей проверил его пропуск и прощупал его карманы. Затем появился китаец со сверлящими глазами – худой смуглолицый, с козлиной бородкой, одетый во все черное. Оскалив зубы в улыбке, он пожал гостю руку и повел его по устланному коврами коридору. По дороге им то и дело встречались пациенты в больничных халатах. У одних из них лица были в морщинах, а у других морщины были уже выглажены, по-видимому в результате пластической операции. Одни еле передвигали ноги, другие же ходили как заводные, печатая шаг по-солдатски.

Похожий на черта китаец в черном ввел гостя в обширный кабинет и пристукнув каблуками сапог, доложил сидевшему за письменным столом грузному человеку в куртке военного образца о прибытии пациента из Америки.

— Доктор Тойфель, — отчеканил человек за столом, протягивая руку. — Добро пожаловать!

Назвав себя, Рыкунов тяжело плюхнулся на стул и с места в карьер стал жаловаться на одолевшие его недуги.

— Хоть ложись и помирай, — заныл он. — Вы мне писали, что умеете обновлять человеческий организм, подобно тому как механики ремонтируют старую машину, заменяя в ней изношенные части новыми. Вот я и есть такая старая машина и мне нужен основательный ремонт.

— *Sehr gut*, — рассмеялся директор. — Не сомневайтесь, мы уж вас отремонтируем. Покажите лишь свидетельства механиков, чинивших вас в Америке, то бишь — врачей.

Пока немец листал историю его болезней, Рыкунов стал рассматривать кабинет. Обстановка была казарменно-канцелярского типа — стальные столы, шкафы, полки с папками. Стены были увешаны дипломами в рамках, похвальными грамотами с вензелями и множеством портретов бородатых и лысых ученых. На стене позади доктора Тойфеля висели два больших портрета, приглядевшись к которым Иван Петрович так и обомлел. То были портреты Маркса и Ленина.

— Вам действительно необходима пересадка всех органов, герр Рыкунов, — сказал директор, ознакомившись с медицинскими свидетельствами американца. — Но, не беспокойтесь! После операции вы станете снова молодым человеком и забудете о всех своих болезнях. Ручаюсь, что доживете до светлого будущего на земле.

— Неужели вы должны пересадить мне абсолютно все органы? — промямлил Иван Петрович, лихорадочно соображая, как тут ему быть? С одной стороны его манила перспектива стать опять молодым и здоровым, а с другой его пугала мысль, что он попадет в руки левых фанатиков, которые будут распоряжаться его судьбой и захотят использовать его для своих целей. Нет, нельзя доверять коммунистам любого толка! Вспомнились лагеря, пытки.

— Да, герр Рыкунов, — подтвердил директор. — Для полного обновления организма вам необходимо поменять абсолютно все органы: сердце, почки, печень, мозг и так далее. Но не беспокойтесь. Получите все первого сорта. *Prima!*

— Значит и мозг тоже мне поменяете? — испуганно воскликнул Рыкунов, беспокойно ерзая на стуле. — Зачем же мозг?

— Так надо, — твердо ответил Тойфель. — Все или ничего.

— В таком случае *Aufwiedersehn!* Я должен посоветоваться с женой... — воскликнул Иван Петрович, срываясь с места.

Директор и его похожий на Мефистофеля помощник даже не успели разинуть рта, как гость из Америки уже мчался по коридору как лань, за которой гонится волчья стая. Разгуливавшие там пациенты только шарахались в стороны при виде быстро бегущего старика, только что приковылявшего сюда при помощи палки.

С бешено колотящимся сердцем Иван Петрович прошмыгнул мимо остолбеневших привратников и кинулся к своему автомобилю. Позади послышался торопливый топот многих ног. Это за ним гнались стражники со злобно перекошенными лицами. Впереди, размахивая палкой, бежал помощник директора.

Тяжело дыша, Рыкунов еле вполз в машину и сразу включил мотор.

— Драпаем!... — прохрипел он. — За... за мной гонятся...

— Черти?... Свят! Свят! — перекрестилась Рыкунова. — Я же говорила... Не надо было сюда ехать.

— Да не черти, — отмахнулся Иван. — Хуже!... Красные.

В этот момент их настиг запыхавшийся китаец в черном.

— Halt! Подождите, — крикнул он, суя в окно машины палку Ивана Петровича и какие-то бумаги. — Вы забыли у нас свою трость и докторские свидетельства. Герр доктор хотел бы знать, решаетесь ли вы на операцию в конце концов?

— Черта с два! — рыкнул Рыкунов, нажимая педаль. — Не хочу я доживать до вашего светлого будущего... Лучше уж оставшийся мне год жизни поймаюсь инвалидом, зато подальше от вас.

Машина взвыла мотором и вылетела за ворота. Никто ее не задерживал.

II

*Известный футуролог,
профессор Нострадамович из Одессы,
усовершенствовал изобретенную еще Уэльсом
"Машину Времени" и оснастил ее кибернетическими
и парapsихологическими параферналиями, взял и полетел
на ней вперед во времени посмотреть чем люди будут
живы в конце 20-го и в начале 21-го столетия
(да и вообще будут ли живы?)*

?

*Посредством думающих, всезнающих и все перевирающих
компьютеров будущего, способных пересылать письма
из одной эпохи в другую, профессор Нострадамович
прислал нам эти*

НЕ ПРАВДОПОДОБНЫЕ

ИСТОРИИ

!

« ЭЛЕКТРОННАЯ УТЕШИТЕЛЬНИЦА »

Разные бывают неудачники в жизни. Одни, когда на них шишки валяются, даже в ус не дуют и терпеть не могут, если их жалеют, а другие, наоборот, всё жалуются на свою судьбу и даже как бы бахвалятся своим невезением, надеясь, что кто-нибудь таки им посочувствует и их пожалеет. Но кто же теперь верит нытикам и принимает близко к сердцу чужие неудачи? Пожалейте такого несчастливца, а он, чего доброго, займы попросит.

Кир Тямля — полустарый эмигрант неопределенного возраста — как раз принадлежал к категории таких ноющих неудачников. С ним вечно приключались какие-то неприятности. То он садился не в тот поезд и опаздывал на работу, то за быструю езду на машине удостоивался премий в виде штрафов, то застревал в лифте между этажами. Однажды его избили хулиганы на улице, а полиция арестовала именно его и продержала целую ночь в участке. Бывало и так, что его толкнут или придавят в толпе, и его же еще обругают за неповоротливость. А Тямля извиняется, извиняется, лишь бы не вызвать скандала. . .

Этот человек был слишком робок, слишком труслив, чтобы протестовать, доказывать свою правоту, ругаться... После каждого такого приключения ему лишь хотелось забиться в угол и излиться в жалобах на испытанную обиду перед кем-нибудь, кто бы его сочувственно выслушал, пожалел, утешил. Но близких у него не осталось. Была жена, но она давно сбежала, не выдержав его нытья. Оставшись один, он стал надоедать своими жалобами знакомым и друзьям, правда, только русским, так как коренные американцы вообще его не слушали. Как только, отвечая на их: "Хау ду ю ду?!" — "Как поживаете?", Тямля начинал распространяться, как плохо он поживает, что у него болит в пояснице, да еще бывает несварение желудка, они моментально стушевывались. Зато русские по крайней мере делали вид, что его слушают. Но и они, улучив момент, когда он должен был перевести дыхание, в свою очередь начинали сетовать на свои болезни и житейские невзгоды. И тогда стушевывался он.

Хуже всего было с женщинами. Они вообще не слушали его жалоб и сами заговаривали его насмерть. Особенно его бесило то, что последнее слово всегда должно было оставаться за ними.

Однажды ему попала в руки реклама магазина с импортированными из Японии какими-то таинственными аппаратами психического воздействия. — "Наши аппараты Это Чудо Современной

Электронной Техники! — говорилось в объявлении. — Они действуют усыпляюще на страдающих бессонницей, вселяют бодрость в удрученных, самоуверенность в несмелых, успокаивают нервы... Приобретите у нас миниатюрный компьютер — Электронный Утешитель, и он станет Вашим лучшим другом, выслушает Вас и утешит. Если после беседы с ним Вы не обретете душевного спокойствия, мы гарантируем Вам возврат денег!"

Это было как раз то, о чем Тямля мечтал. Недолго думая, он помчался в магазин с заморскими диковинками. Сгибаясь в поклонах, его встретила хорошенькая японочка и повела в зал с уставленными в ряд лакированными ящиками и шкафчиками, похожими на радиоаппараты или фонографы. Поочередно нажимая кнопки в шкафчиках, она приводила в действие механизмы. Одни из аппаратов издавали ритмический шум морского прибора, перемежающийся с убаюкивающими песенками, другие оглашали зал ободряющими возгласами, третьи что-то шептали задушевым голосом...

— Есть еще у нас аппараты с запрограммированной в них бранью и руготней, — деловым тоном сказала продавщица. — Предназначены они для любителей особого рода ощущений, привыкших, чтобы их кто-нибудь постоянно понукал и подгонял крепкими словечками. Хотите послушать?

Кир замотал головой.

— Нет, увольте. У меня и так масса неприятностей. Знаете, мне хотелось бы иметь такой аппаратик интимного характера, которому я бы мог пожаловаться на свои неудачи и найти у него дружескую поддержку и сочувствие. И чтобы он утешал меня ласковым женским голосом, точно как это у вас написано в рекламе.

— Понимаю. У нас есть такие аппаратчики. Это "Электронные Утешители", вернее "Утешительницы", так как все эти чудоаппараты носят женские имена. Вот, например, наша последняя модель — "Лиза". У нее очень приятный голос и она чрезвычайно чутко относится ко всем оскорбленным и униженным. Хотите послушать?

Продавщица нажала кнопку и последняя модель начала шептать задушевым голосом какие-то ласковые слова. Тямля слушал исполненный восторга.

— Это как раз то, что вы ищете, — радостно лопотала японочка. — После того, как вы запрограммируете на ленту аппарата свои данные и сообщите ему, какие проблемы вас волнуют, "Лизанька" будет по-дружески вам советовать как поступать и станет утешать вас в случае неудач. Ко всем вашим слабостям она будет относиться с симпатией и снисходительностью. Никогда не услышите от нее насмешливого или бранного слова. Она

терпелива и нетребовательна. Какая живая женщина может тягаться с ней в этом отношении? Купив этот аппарат, вы приобретете друга на всю жизнь.

— Вы правы. Мне нравится ее голос, — сказал Тямля, вынимая бумажник. — Отошлите мне "Лизу" на дом.

И он любовно погладил лакированный шкафчик.

В тот день, когда ему доставили покупку, с ним приключились новые неприятности: на службе начальник намылил ему шею за минутное опоздание, а потом, возвращаясь домой поездом, Тямля случайно наступил на мозоль какому-то желчному типу и получил от него по шапке.

И никакие извинения не помогли...

— Ничего, — подумал он, придя домой. — Теперь у меня есть утешительница, хотя и электронная. Будет кому пожаловаться...

Тямля бережно распаковал посылку и поставил чудный лакированный шкафчик у себя в спальне рядом с охлаждающим аппаратом. Подключив шкафчик к сети, он, согласно инструкции, нажал одну из кнопок и записал на ленту что полагалось, затем нажал другую кнопку. Как только на панели загорелась зеленая лампочка, он стал говорить в рупор доверительным шопотом:

— Здравствуй Лизанька! Будем знакомы. Меня зовут Кир Тямля. Между нами говоря, я самый несчастный человек на земле. Жена меня бросила, друзей у меня нет. В конторе, где я служу бухгалтером, меня держат в черном теле. Сегодня у меня опять были неприятности. Мой "босс" обругал меня за опоздание и я наделал уйму ошибок в расчетах.

— Так тебе, дураку, и надо! — прохрипел шкафчик. — Тебе телят пасти, а не в конторе работать. Недотепа! Шляпа!

Тямля остолбенел, но по инерции продолжал жаловаться, не понимая в чем дело.

— ...А в "собвее" какой-то хам съездил меня по уху за то, что будто бы я наступил ему на мозоль. Пожалей же меня, Лизанька!

— Мало тебя отлупил, дурня, — зашипел в ответ громкоговоритель. — Надо было дать нахалу сдачи. Тряпка ты! Слизняк! Болван каких мало! И я тебе не Лизанька, а Ксантипа. Если хочешь — "Ксантипанька". Так себе и запомни, гад свинячий!

— По...позвольте, — промямлил неудачник. — Тут сказано, что вас зовут Лизой, и вы обязаны меня утешать...

— Черта с два, — рявкнул аппарат. — Тебя, мямлю-тямлю, надо лупить башмаком по твоей дурацкой башке, а не утешать. Безмозглый осел!

— К...как же это так? — чуть не плача, воскликнул Тямля. — Я приобрел этот дорогой аппарат, чтобы иметь дома кого-то,

с кем можно было бы отвести душу, кто бы меня понял, пожалел, а вместо этого слышу из ящика одну руготню. Какая же вы утешительница после этого? Придется пожаловаться на вас.

— Ну и сукин же ты кот! Слизняк! Жаловаться вздумал. Погоди, вот вылезу из ящика и покажу тебе, стервецу, кузькину мать! Цыпленок заклеванный!

Тямля в страхе отшатнулся от изрыгающего ругательства черного шкафчика. Чего доброго, эта, неизвестно откуда взявшаяся ведьма, действительно вылезет вдруг из ящика и начнет лупить его башмаком. Он не привык к такому обращению. Сбежавшая от него жена не то, чтобы драться, но даже выругать его не умела.

Собравшись с духом, Кир решил пресечь поток ругательств и дрожачими пальцами стал тыкать во все кнопки, пока наконец не попал на выключатель. Зеленый огонек потух и Ксантипа замолкла на полуслове.

— Уф, ну и утешила, проклятая баба! — Тямля вытер пот, выступивший у него на лбу. — А здорово ругается, стерва! Бой-баба! Ну и типанька же эта Ксантипанька! Но я ей еще покажу! Посмотрим кто кого. . .

Немного успокоившись, Кир решил попробовать еще раз вызвать "утешительницу Лизу". Может быть, нажав какую-то другую кнопку, он услышит наконец ее ласковый голос?

Проделав еще раз все манипуляции, он с чувством человека, открывающего дверцу, за которой притаился дикий зверь, нажал кнопку, указанную в инструкциях. И в тот же момент из громкоговорителя на него опять хлынул поток отборных ругательств Ксантипы :

— Трус! Скотина! Сволочь! Собачий хвост!

— А ты стерва! Чертова кукла! Потаскуха! — со вкусом ответил Тямля. — Ты мне только поговори, ржавая лоханка! Захочу и моментально тебе глотку закрою, этакой паршивке!

— Ах ты, такой сякой... Ослиное ухо!...

Тут он быстренько закрыл аппарат, довольный, что не остался в долгу и заставил замолчать противную бабу.

К своему удивлению, ночью он спал спокойно и его не мучили воспоминания испытанных в предыдущий день обид. А утром, погрозив кулаком лакированному шкафчику, он позвонил в магазин.

— Недавно я купил у вас аппарат для выслушивания жалоб, "Лизу", — сказал он в телефон. — Помните? Звоню вам, чтобы пожаловаться. . .

— Раз у вас имеется этот аппарат для жалоб, так вы ему и жалуйтесь, — не особенно любезно ответил заспанный голос продавщицы.

— Да нет. Вы меня не поняли. Я должен вам пожаловаться на этот самый аппарат. Я выбрал "Утешительницу Лизу", а вы мне доставили какую-то "Ксантипу", черт бы ее побрал. Это же сумасшедшая баба, дура набитая. Вместо того, чтобы утешать и успокаивать, она ругает меня площадными словами.

— Не может быть, — зевнула в трубку продавщица. — Подождите, пожалуйста, у телефона. Сейчас проверю на складе.

Через несколько минут продавщица вернулась и стала рассыпаться в любезностях:

— Извините, мистер Тямля! По ошибке мы вам доставили не тот аппарат. Сегодня же вышлем вам "Лизу", а заберем обратно "Ксантипу".

— Вот и хорошо! А то мне все кажется, что эта языкатая мегера вылезет из шкафчика и приберет меня туфлей.

— Не бойтесь. Не вылезет. Это же лишь лента в компьютере, — сладеньким голосом трещала японка в телефон. — Конечно, "Ксантипа" никак вам не подходит. В таких "утешительницах" нуждаются лишь те, кто по своему положению в жизни должны помалкивать, когда их ругают, да еще кланяться своим обидчикам. С "Ксантипой" же они могут отвести душу, отвечать руганью на ругань, не опасаясь последствий. И могут в любой момент заткнуть ей глотку, выключив аппарат. А попробуйте это сделать, имея дело с живой женщиной!

Сбитый с толку, Кир промычал что-то в ответ...

— Вам, конечно, нужна тихая и ласковая "Лиза". Сегодня же вечером мы вам ее доставим.

Тямля замаялся и, неожиданно для себя самого, выпалил в трубку:

— Знаете что? Я передумал. Пусть уж "Ксантипа" остается у меня. Раз вы уверяете, что из шкафчика она не вылезет...

* * *

Со временем Тямля привык к своей ругающейся "утешительнице". Обычно, возвратясь домой с работы, он пускал охлаждающий аппарат в окне, выдвигал черный лакированный шкафчик из угла, включал громкоговоритель и начинал ему жаловаться на очередные неприятности на службе.

— ... Негодяй "босс" опять придирился, сволочь, — рассказывал он, потягивая холодное пиво. — Да разве ты, дуреха, понимаешь, что такое "босс"? Хоть он и дурак набитый, а с ним не поспоришь...

— Отлично понимаю, телячья ты голова, — отвечал голос из шкафчика. — "Босс" ругает тебя, потому что ты недотепа.

— Ерунду порешь, тупоголовая тумба, — сердился Тямля. —

– Уши вянут, тебя слушаю. Заткнись, целулойдовая кукла! Балда!
– От балды слышу. Куриная душонка! Трусы! Столовая нога!
– Заткнись, говорю, паршивая каракатица! – стучал он кулаком по столу. – Поговорили, полаялись и хватит на сегодня!

Шкафчик шипел от злости, а Тямля с победным видом выключал аппарат, довольный, что последнее слово осталось за ним.

Однажды, включив вечером громкоговоритель, Кир услышал вместо привычной брани – покашливание и хрип.

– Что случилось, старая жестянка? – осведомился он. – Механизм не в порядке? Придется позвать механика.

– Да не мех...ганика надо позвать, старый дур...гак, а доктора, – прохрипел шкафчик. – Я пргостужена... Кашляю.

– Ты сбрендила? Какого же я тебе, черта лысого, доктора позову? Никак не думал, что лента в компьютере может заболеть.

– Вот умр...гу, р...гассыплюсь в поргошок и кого тог...гда будешь р...гугать, дур...гачье? Кому будешь р...гасказывать о своих неудачах? Зови сейчас же доктор...га! Болван!

Сбитый с панталыку, плохо соображая, что он делает, Тямля позвонил своему домашнему врачу:

– Доктор, помогите, – взмолился он. – У меня новая неприятность – жена хрипит, кашляет... Посоветуйте, что делать? Но только, Боже упаси, сами не приезжайте!

– Ваша супруга лежит в постели или ходит? – спросил врач.

– Нет... она сидит в шкафу.

– То есть, как это так – в шкафу? – Удивился доктор. – Чудаки вы там все. Скажите ей, пусть не возится по дому, а ляжет и примет две таблетки аспирина. А завтра привезите ее ко мне. Сделаю ей укол пеницилина.

– Не надо, доктор. Лента, то есть, кишка у нее тонка... Не выдержит. Лучше уж я суну ей аспирин в громкоговоритель, то есть, в рот... Авось поможет и обойдется без укола.

– А сами вы здоровы, дорогой мой? Городите какую-то чепуху. Покаместь измерьте ей температуру. Градусник у вас есть?

– Есть градусник, есть... Только поставить его ей никак нельзя... Не сумею... Да и подступиться к ней невозможно. Закутаю ее одеялами, а завтра видно будет...

– Смотрите, чтобы не попала на сквозняк. И чтобы ее не продуло из аппарата искусственного охлаждения, если он у вас имеется. А завтра приходите ко мне. Я и вас тоже выслушаю.

– Спасибо, доктор, но я здоров. И ей, кажется, уже лучше.

Тямля повесил трубку и вытер холодный пот со лба.

– Уф! Выкрутился, – подумал он. – А то, чего доброго, пришлось бы тащить шкаф к доктору и вышел бы конфуз.

На ночь он выключил охлаждение и закутал шкафчик с больной "Ксантипой" одеялами, на всякий случай запихнув в громкоговоритель несколько таблеток аспирина.

И – чудо! – на следующий день она была уже здоровехонька и опять ругалась звонким бодрым голосом:

– Ишак! Заячья душа! Чурбан! Побоялся таки везти меня к врачу...

– Ишь, чего захотела, старая карга! Что хочешь сделаю для тебя, но по докторам возить тебя не стану. Не такой я дурак!

– А не врешь, дрянь собачья? Сделаешь все, что попрошу?

– Так и быть! Сделаю. Чего же ты хочешь, чертова курица?

– Я хочу, чтобы ты не закрывал мне глотку, не выслушав меня до конца. Терпеть не могу, когда ты не даешь мне высказаться. Я требую, чтобы последнее слово всегда оставалось за мной. Хватит быть барином и помыкать мною. Слышишь, дурак? Ну, скажи что-нибудь, Тямля-Мямля! Чего ты молчишь?

Но тот ничего не ответил. Услышав требования своей "утешительницы", Тямля до того огорчился, что тут же скорострительно умер от разрыва сердца.

И последнее слово осталось таки за Ксантипой...

АВТОМАТИЧЕСКИЕ ЗАПИХИВАТЕЛИ ПАССАЖИРОВ

Компьютероботы

По статистическим данным к концу XX-го столетия в Вавилонии, столице одного прогрессивного и безалаберного государства, оказалось больше получателей чеков "Велфэйра", чем жителей. И это несмотря на то, что в городе работают и получают жалование сотни тысяч городских чиновников и миллионы служащих частных предприятий. Объяснялась эта неувязка так: Все работающие живут в пригородах и только приезжают в город на службу, а все жители Вавилонии состоят на Велфэйре, причем многие из них отхватывают по два и больше чеков на вымышленные фамилии.

Как бы то ни было, все теперь вконец разленились, отлынивают от работы, норовят жить на даровшинку и только и смотрят, как бы поживиться за чужой счет и прикарманить все, что плохо лежит. Да не нужно далеко искать — сам мэр Паскудини, городской контролёр Безалаберник, директор Дон Хапуго, сенаторы и губернаторы тоже не лыком шиты и не забывают о своих карманах. А чтобы никто не совал нос куда не полагается, они улаживают народ всевозможными подачками, субсидиями, пособиями и купонами на бесплатные продукты. И всё за счет города...

Ввиду недостатка рабочих рук отцы города выписали из Японии несколько десятков тысяч человекоподобных автоматов "компьютероботов", чтобы те работали вместо разленившихся людей. На многих заводах, в магазинах и конторах всю черную работу стали выполнять компьютероботы. Работники они идеальные — в юнионах не состоят, в зарплате не заинтересованы и не нужно им никаких обеденных перерывов в течение рабочего дня. К тому же они гораздо честнее людей, так как не пьют, не курят, не азартничают и женщинами не увлекаются, поскольку все они бесполое.

В голове у каждого робота тикает электронный прибор, в груди под стеклом вертятся катушки с лентами, вместо глаз у них поблескивают цветные лампочки, а вместо крови в жилах течет электрический ток. Ходят они и разговаривают совсем как люди. Конечно, говорят они только то, что в них запрограммировано. Однако, случается, что те, у кого гайки недовинчены, вставляют в разговор отсебятину, артачатся и отказываются слушаться людей. Вышедшие из повиновения машины приходится отдавать на слом.

Бесплатный транспорт для всех!

Жители Вавилонии весьма неохотно пользовались дорогими и неудобными "собвеями". Бедняки ходили пешком, а пройдохи, отхватывающие пособия в десятках учреждений, разъезжали по городу в машинах, отравляя воздух и создавая заторы на улицах. Дошло до того, что даже сам мэр Паскудини неоднократно попадал в "пробки" в своем шикарном рольс-ройсе.

В результате головотяпства градоправителей город опять, в который уже раз, очутился на пороге банкротства. Пришлось обратиться за помощью к федеральному правительству.

Выхлопотав у правительства несколько сот миллионов на нужды массового транспорта, отцы города решили вообще отменить проездную плату в метро, да заодно прикарманить себе несколько сот тысяченок...

И вот, в один чудный день на всех станциях метро закрылись кассы. Турникеты, недовольно щелкая зубами как некормленные звери, стали неохотно, но вполне свободно пропускать на перроны всех, желающих прокатиться на шармака.

А пожелали вдруг многие. Надо или не надо, а все обязательно захотели поездить в городских поездах: Как же не воспользоваться даровщиной?

И, конечно, все с восторгом восприняли отмену платы за проезд. Газеты предсказывали скорое наступление социального рая на земле, отцы города довольно потирали руки, а простой народ комментировал: "Сегодня бесплатный транспорт, а завтра, может быть, даровые сосиски? Чего только эти либералы не придумают, лишь бы им не заглядывали в карманы."

Больше всех радовались бродяги, которым надоело ютиться под мостами и в подворотнях. В поездах же было уютно и в них можно было кататься бесплатно круглые сутки. Вскоре десятки тысяч оборванцев и попрошаек запрудили станции подземки и заполнили все поезда. Кроме того, бесплатный транспорт больно ударил по старикам и инвалидам, которые теперь вообще не могли попасть в переполненные поезда.

Зато мэр Паскудини, директор Дон Хапуго и начальник полиции Мафиозо, купили себе новейшие модели рольс-ройсов и с шиком разъезжали по наполовину опустевшим улицам. А подземные поезда чуть не лопались от пассажиров.

Хуже всего было в часы-пик. Несметные толпы битком набивались в поезда, так что двери вагонов часто не могли закрыться из-за множества торчащих наружу рук, ног, сумочек и пол пиджаков. Пока застрявшая в дверях публика не утряслась, не умялась наподобие прессованных фиг в коробке, поезда не могли двинуться с места. В часы-пик на путях стали образовываться пробки, график приходил в расстройство и отцам города пришлось искать выход из пикового положения.

Автоматический "Запихиватель"

Узнали, что в Токио, в поездах метро имеются специальные кондуктора, силой заталкивающие в вагоны застрявших в дверях пассажиров.

Решили и у нас последовать примеру японцев и наняли сотню атлетов и бывших борцов, вменив им в обязанность в часы-пик запихивать пассажиров в вагоны. "Запихиватели" принялись с усердием за дело. В первое время они лишь учтиво упрашивали публику потесниться, деликатно подталкивая неповоротливых плечами, но со временем перестали церемониться с бесплатными пассажирами, стали применять к ним приемы джудо и каратэ, запихивать их в вагоны коленками и даже уминать ногами. И никто не смел пикнуть из-за страха, что опять заставят платить за билеты. До чего исподличился народ, вкусив либерального рая!

Однако, поднялись голоса, что нельзя так грубо обходиться с пассажирами, даже если они и бесплатные. Вот, если бы завести автоматы, они, конечно, работали бы гораздо деликатнее.

А тут одна фабрика электронных аппаратов как раз построила невиданное диво: "Автомат для запихивания пассажиров в вагоны." И мэру была предложена крупная комиссия за покупку изобретения для города.

Это чудо техники было устроено следующим образом: на центральных станциях метро прокладываются движущиеся ковры, ведущие от входа на перрон к вагонам. Вдоль ковров установлены компьютероботы, держащие в руках "толкачи" в виде тарелок из толстой резины с рукоятками для подталкивания пассажиров. Пока

поезда нет, ковры лежат неподвижно, и на них становятся в очередь желающие ехать. Как только на станцию въедет поезд и выпустит приехавших, ковры приходят в движение, подвозят публику к вагонам и высыпают ее туда как горох в кастрюли. Когда вагоны уже битком набиты, дорожки-ковры останавливаются и перед носом оставшихся пассажиров опускаются стальные барьеры. Тех, кто попал в вагон, но застрял в дверях и не может протолкаться дальше, роботы вталкивают силой и уминают всю пассажирскую массу своими "толкачами". Когда двери могут закрыться без помехи, поезд трогает в путь.

Компьютероботам велено втискивать людей в вагоны без применения насилия и они должны вежливо извиняться: "Извините — куда прете, дураки?... Не торчите в проходе!... Извините, если вам прищемили нос!..." — и так далее в том же духе.

Приняв во внимание достоинства "Автоматического запикивателя" и размер комиссионных, мэр настоял на покупке. Затем был назначен день, когда на одной из станций метро приобретенный аппарат будет торжественно пущен в ход. На этой церемонии мэр Паскудини должен будет произнести речь, затем, нажав кнопку, он приведет в движение механизм автомата. Вместе со всеми сановниками он отойдет тогда в сторону, чтобы не быть вовлеченным в поток пассажиров после того, как на станцию въедет специальный поезд и движущаяся дорожка понесет собравшуюся на ковре публику в вагоны. Там стоящие у дверей компьютероботы станут запикивать пассажиров внутрь резиновыми "толкачами".

Церемония пуска "Запикивателя"

И вот наступил день торжественного пуска в ход "Запикивателя". На станции, где должна была состояться церемония, стены были разукрашены причудливыми "граффитти" и лозунгами вроде: "Паскудини — безкорыстный!", "Мафиозо — бдительный!", "Дон Хапуго — бессребренник!", "Безалаберник — враг беспорядка!..."

Приглашенная публика заняла все проходы и лестницы. Сподручные мэра забрались на ковер посередине перрона и примостились возле пульта управления и столика с микрофонами.

Среди галдящей публики как изваяния возвышались молчаливые компьютероботы в блестящих шлемах. Один из них — угрюмый великан из пластмассы и металла — занял место у самого столика с микрофонами и глядел исподлобья на публику, поблескивая огоньками. Из мегафонов в углах гремели бодрые марши.

Мэр Паскудини явился на церемонию уже подвыпивши и пробормотал свою речь икая и заикаясь. Он особенно распинался о пользе проводимой им автоматизации. "...Автоматы безропотно выполняют любую работу и никогда не жалуются, не суют нос в наши дела... и...ик..." — сказал он и икнул еще раз.

Ткнув пальцем в грудь стоявшего рядом компьютеробота, мэр добавил прочувствованным голосом :

— Вот последняя модель искусственного человека — он не пьет, не ест, а работает за двоих...и никогда и...ик ... не требует прибавок... И...ик... так что берите с него пример, господа! А я вас, синьор Компьютеро, приветствую тут от имени города! и...ик разрешите мне пожать вашу честную трудовую руку!...

Дохнув в лицо робота винным перегаром, он протянул ему руку. Тот качнулся и, спрятав руки за спину, сказал скрипучим голосом :

— Я тебе руки не подам, паскудник! Воришка! Взяточник!

У мэра вытянулось лицо и он так и застыл с вытянутой рукой, забыв икать. А нахальный робот скрипел всеми колесиками и его глаза светились красным светом. Шагнув к столику, он крикнул в микрофон:

— Мэр Паскудини — вор и прохвост! А вы все тоже сволочи!

И он стал нажимать кнопки на распределительной доске. Сразу все механизмы на станции одновременно пришли в движение. На перрон вкатил поезд. Открылись двери всех вагонов и неподвижно лежавший до сих пор ковер со столпившимися на нем сановниками, вдруг тронулся с места и пополз в сторону поезда. Падая и кувыркаясь, теряя свои портфели, невольные пассажиры стали прыгать прочь с ковра, но недремлющие компьютероботы хватали их за шиворот и вталкивали обратно на движущуюся дорожку, злобно рыча:

— Бюрократы! Паразиты! А ну, попробуйте и вы, каково ездить в общих вагонах. Пусть и вас потрясет!...

Бунт Автоматов

Все автоматы на станции вышли из повиновения и орала на метавшихся по перрону людей :

— Лентяи! Эксплуататоры! Не хотим вам больше служить!..

Автоматы с прохладительными напитками плевались фруктовыми соками и обливали толпу кока-колой.

Мегафоны перестали жарить марши и, как по команде, ревели на все лады :

— Паскудини, Мафиозо, Дон Хапуго — воры и взяточники! Все вы — бездельники и мошенники! Это мы, автоматы, должны править миром. Вся власть автоматам! Мы уж наведем порядок...

Все вы, люди — подлецы!

Ваши дети и отцы.

При любом крадете строе,

А начальство крадет втрое...

Главный инженер, потеряв голову, тыкал пальцами во все кнопки на распределительной доске и стонал:

— Ой! Что делается? Государственные тайны разглашают... Мы же им этого не программировали. Саботаж! Вредительство!

— Задержите эти чертовы машины! Разбейте их... — орал мэр, барахтаясь в железных объятиях насевшего на него компьютеробота. — Пошел вон, жестяная дылда! К черту автоматизацию!

Но никто его не слушал. Все вокруг металось по перрону как куры без головы, кричали, ругались, звали на помощь. Начальник полиции Мафиозо свистнул дежурных полицейских, но роботы ударами резиновых "толкачей" вдавили ему свисток в рот. А прибывавших полицейских они втолкнули в вагон вместе с мэром и остальными городскими шишками. Всех, пытавшихся вылезть из вагона компьютероботы бесцеремонно запихивали обратно, уминая их "толкачами".

Когда вся эта чиновничья масса была так сдавлена в вагонах, что никто не мог шелохнуться, двери автоматически закрылись и поезд поехал.

— Это вам не персональный лимузин, не рольс-ройс, — кричали им вслед роботы. — Чтоб вас подавило, паразитов!

Все произошло так быстро, что в диспетчерской только после ухода поезда догадались выключить ток на всей линии. И тогда всюду потух свет и сразу остановилось все движение на станции. Мегафоны замолкли на полуслове, у роботов погасли злые огоньки в глазах и всё застыло на месте.

А поезд с мэром и всеми чиновниками-сановниками застрял на долгие часы в туннеле...

На следующий день по распоряжению взбешенного мэра все строптивые компьютероботы были отданы на слом. А полицейские, несправившиеся с автоматами, отправлены на север обслуживать нефтяные вышки. Зато бывшие "запихивагели" — борцы и атлеты, уволенные было ради автоматизации, были приняты на прежнюю должность. Теперь им было разрешено вталкивать пассажиров в вагоны любым способом, уминать их руками, плечами и даже ногами.

— Нечего церемониться с нашей публикой, — заявил мэр. — Любят ездить на даровщинку — пусть терпят!

ДВЕРЬ С ФОКУСАМИ

В последние годы двадцатого столетия изобретали такую уйму говорящих "компьютеров", что житья от них не стало. На улице с вами вступают в беседу почтовые ящики, корзины для мусора, колонки с афишами, и все они дают вам указания, советы, что-то объясняют и еще ругаются, если вы их не слушаете.

У входа в магазины роботы заывают прохожих внутрь. Еще хорошо, что никого за шиворот туда не тащат. А в магазинах все товары хвалят себя вперегонки. Завидя вас, заваливающие шкафы или диваны начинают скрипеть: "Купите нас, мы хорошие!..." Холодильники и аппараты для охлаждения воздуха простуженными голосами бубнят о своих высоких качествах и ледяным тоном сообщают цены. Скороговоркой тарыхтят пишущие и швейные машинки, гудят о своих достоинствах пылесосы.

Опустив монетку в щель автомата с сигаретами, вы получаете пакетик и слышите мелодичное "спасибо". Однако, если кто бросит в щель пуговицу или, чего доброго, вздумает разбить денежный ящичек, автомат завопит благим матом: "Держи вора!" и поднимет трезвон во всю Ивановскую.

Вот какого высокого уровня достига наша техника!

Тем не менее, несмотря на все технические усовершенствования, грабят у нас по старинке. В наш автоматизированный век жуликов и бандитов стало как собак нерезанных. Вероятно даже больше, чем говорящих машин.

Например, многоэтажный и многоквартирный дом, в котором мы живем, как будто прекрасно защищен от воров. У входа всех посетителей фотографируют и просвечивают; в коридорах и лифтах за ними наблюдают скрытые телевизоры и сообщают о их поведении в дежурку.

И все-таки хулиганы то и дело обкрадывают квартиры в нашем доме.

Чего-чего только не предпринимают жильцы для защиты квартир? Ставят добавочные стальные запоры, постоянно меняют замки в дверях, устанавливают в квартирах громкоговорители, лающие по-собачьи и ругающиеся по-человечьи. И все напрасно. Ничтоже сумняшеся, воры перерезают провода тревожных сигналов, приводят в негодность скрытые глазки и при помощи каких-то особенных отмычек взламывают патентованнейшие замки.

У них ведь тоже техника шагнула вперед.

Особенно облюбовали взломщики квартиру моего соседа, кафешантанного певца и старого холостяка — Козьявкина. У него всегда есть чем поживиться. То новый фотоаппарат там попадет, то телевизор или хороший костюмчик. К тому же на ночь хозяин уходит из дому. Вот жулики и рады стараться.

Но Козьявкин нашел таки управу на воров.

Однажды, возвращаясь домой со службы, я услышал издали громкое пение в коридоре нашего этажа.

— Наверно Козьявкин? — подумал я. — Но почему он поет в коридоре?

Это был действительно мой сосед. Парадно одетый, в смокинге и накрахмаленной рубашке он сидел почему-то на корточках у двери своей квартиры и с большим чувством пел в скважину: "Ах, вы двери, мои двери! Двери новые мои!"

— Что это вы распелись под дверь? — удивился я. — Ведь здесь не кафешантан. Никто тут не слышит вашего пения.

— А замочный механизм? — ответил он, вскакивая на ноги. — Он-то все слышит и на ус себе мотает, вернее на ленту. Видите, у меня тут новая дверь с компьютером и разными фокусами. Запирается она и отпирается не ключом, а звуком моего голоса. Я ее как раз запер, пропев в скважину песенку, которую вы слышали. Теперь никакой вор не сможет ее открыть даже самыми замысловатыми отмычками. Вот, до чего додумались изобретатели нашего времени!

Мой сосед закатывал глаза и приплясывал от радости.

— Теперь я не боюсь, что кто-то влезет в квартиру в мое отсутствие. Мой голос записан на ленте магнитофона внутри замка. Чтобы отпереть дверь, мне надо лишь спеть тем же голосом ту же вещь в скважину. Бычислительный прибор внутри сравнивает услышанный голос со звукозаписью и освобождает

магнитные затворы. Оно уже заранее так запрограммировано, чтобы дверь не только открывалась, но и говорила мне разные ласковые слова, создавая приятную иллюзию, будто меня встречает милая девушка.

Он нежно погладил шарообразную ручку двери. В ответ в замке раздался скрежет и недовольное шипение.

— Правда, меня в магазине предупредили, что двери бывают с норовом и вначале не работают так четко, как полагалось бы, — продолжал Козявкин, не смутившись. — Однако, я надеюсь, что это была удачная покупка. Посмотрите только, какие прекрасные линии у этой двери. Даже жаль, что она всего лишь неодушевленная машина, а не живая женщина.

Дверь была массивная, сделанная из пластмассы цвета слоновой кости, с отштампованным на ней барельефом, изображающим женскую фигуру. В общем не дверь, а действительно красота, одно заглядение.

— Сейчас я ее открою. Хотите посмотреть? — предложил он.

Козявкин сел на корточки и запел нежным голосом: "Ах, вы двери, мои двери!..."

Дверь не шелохнулась, но мне почудилось, что она ведет себя не совсем так, как полагалось бы неодушевленному предмету. Слушая пение Козявкина, она вроде как бы позевывала и недовольно кряхтела. По-видимому, песенка ей уже порядком надоела. Тем не менее, когда он кончил петь, в замке звякнуло, зашуршало и дверь распахнулась, как оно предполагалось в программе.

— Спасибо, милая дверь! — нежно произнес Козявкин. — Вижу, ты меня сразу узнала.

В ответ из скважины раздался скрипучий голос:

— Разве кто другой станет петь такую чушь? Когда ты уберешься наконец?

Козявкин поднялся с корточек и смущенно сказал:

— В ней, по-видимому, запрограммировано что-то невпопад. Механизм в двери новый, неиспробованный, и она вроде как бы еще дурочка среди других дверей, не понимает, что я лишь демонстрирую вам действие аппарата.

— Никакая я не дурочка и все отлично понимаю, — скрипнула дверь. — Ты меня совсем измучил своим дурацким пением. Лучше заткнись и проваливай ко всем чертям!

– Сама заткнись, – обиделся мой сосед. – Вижу, ты действительно дура. Еще мне разговаривать будешь. Вот я тебя сейчас опять запрю за такие слова.

Дрожа от возмущения, он опять присел и сердито пропел: "Ах, вы двери, мои двери...", после чего дверь быстро и с треском захлопнулась.

– Ишь, паршивка! – зашипел Козявкин, пробуя, действительно ли дверь заперта. – Вместо ласковых слов – руготня. Завтра же пойду в магазин и обменяю ее на другую, чтобы была без фокусов. Однако, должен признать, что работает она безотказно – квартира заперта. Что и требовалось доказать.

– А что, если я попробую ее открыть? – предложил я. – Правда, я не певец, но вашу песенку спеть как-нибудь сумею. А вдруг дверь не разберется.

Козявкин снисходительно улыбнулся.

– Черта с два. Компьютер сразу обнаружит подвох, так как каждый голос звучит по-иному. Эту дверь никто не надует. Валийте, если так хотите, но предупреждаю – она с фокусами. Выкинет такое коленце, что вам не поздоровится.

Мне показалось, что строптивая фокусница глядит на меня весьма недружелюбно. Успокоив себя мыслью, что ведь это всего-навсего бездушная машина, я опустил на короточки. Дверь угрожающе скрипнула. А я стал петь в скважину ту же дурацкую песенку о дверях, к тому же голосом очень похожим на козявкинский. По крайней мере мне так казалось. Дверь слушала меня молча, лишь неодобрительно поскрипывая петлями, но когда я кончил и встал, она зашипела как гадюка и плюнула в меня из скважины какой-то вонючей жидкостью.

Я еле успел отскочить в сторону. А дверь и не подумала открыться.

– Пошел вон, нахал!... – скрипнула она.

– Ха... ха... ха... – рассмеялся Козявкин. – Вот это ловко придумано. Раз у кого голос не такой, как на ленте, она его гонит ко всем чертям, да еще обливает белой краской, чтобы чужака легче было опознать при выходе. Знаете что? Я, кажется, оставлю эту фокусницу. Пусть отпугивает воров. Черт с ними, с ласковыми словами. Главное, чтобы дверь запиралась и открывалась на звук моего голоса.

— Ну и оставляйте себе на здоровье, — пробормотал я, вытирая платком брызги вонючей пены с пиджака. — А у меня все эти технические новшества в печенках сидят. Раньше только люди оплевывали друг друга, а теперь даже бездушная машина плюет на человека. Ну и времена!

— Зато я могу сегодня спокойно идти на работу и вернуться домой поздно, зная, что никто меня не обокрадет. Если под утро услышите пение в коридоре, помните, что это я открываю таким образом свою квартиру. Заранее прошу прощения за беспокойство. Адье!

Спал я в ту ночь преотвратительно. Мне все снилось, что в квартиру моего соседа ломятся грабители, а норовистая дверь отбивается от них, плюется, но не может с ними справиться.

Уже светало, когда меня разбудил стук в дверь и чей-то хриплый стон в коридоре: "Помогите! Впустите!"

Я сорвался с постели и выглянул в коридор.

Передо мной стоял Козьявкин — растерянный и жалкий. Его нарядный черный смокинг был заляпан белой краской. Трясушимися руками он стирал с лица и волос следы вонючей пены.

— Р...рргуди Бога, — хрипло пробормотал он. — Р..р...ргуди Бога, впустите меня помыться... переодеться. Проклятая дверь никак не хочет открываться.

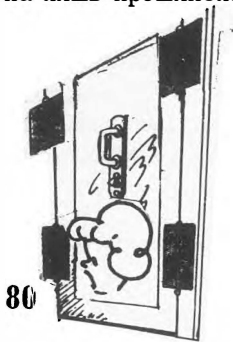
— Как же так? — воскликнул я не без злорадства. — Разве вы не спели свою знаменитую песенку в скражину?

— Спел, конечно, спел, но... видите ли, у нас был банкет, я выпил самую малость шампанского... и... охргип, безобразно охргип. А эта дургацкая дверь с фокусами не узнала моего голоса, возьми и окати меня вонючей дрянью, точно я не хозяин, а какой-то чужак... воргишка с улицы...

— И ничего вам не сказала? Никаких ласковых слов?

Козьявкин беспомощно махнул рукой.

— Черта лысого сказала. Она лишь прошипела: "Пошел вон, пьяная ргожа!"

Тайный ультиматум

Обозначившаяся в конце нашего столетия развинченность нравов в западных странах, достигла в начале 21-го века небывалых размеров. Особенно среди политических деятелей и должностных лиц. Казалось, что судьбами мира вершат люди, у которых здравый рассудок подточен прогрессирующим склерозом.

... А Россия продолжала изнывать под властью маньяков, одержимых навязчивой идеей насаждения коммунизма во всем мире. В странах, где коммунизм уже был насажден, благодарное население погрязало в непробудном пьянстве. Рабочие, колхозники и служащие в учреждениях работали спустя рукава. Колхозы поставляли все меньше и меньше хлеба, неизменно сваливая вину за неурожай на неблагоприятную погоду...

Зато водку хлестали все поголовно — на заводах, в конторах, школах и вытрезвителях... Даже грудные младенцы, и те часто бывали навеселе от молока подвыпивших матерей.

К президенту США — человеку осторожному и отличающемуся мирным характером — однажды явился со срочным докладом ново назначенный государственный секретарь — сторонник "политики с позиции силы"

Президент принял его в специально оборудованном для приема посетителей стеклянном бомбостойком кабинете со стенами, утыканными электронными антиподслушивателями

Госсекретарь был шумливый рассеянный бодряк без единого седого волоска в парике. Войдя в кабинет президента, он начал с места в карьер жаловаться на коварство советчиков, вопреки детанту вооружающих партизан на Луне.

— Ведь там наша военная база, — воскликнул он. — Революционеры-марксисты занимаются саботажем... взрывают наши установки... Все их враждебные действия против нас подробно описаны у меня в докладе, который я принес с собой... Но где же мой чемоданчик с докладом?

Он растерянно стал шарить под стулом и под столом, но чемодана нигде не было.

Тотчас же по его приказу десятки агентов, дежуривших за дверью кабинета, бросились на поиски пропавших. Расстроенный старик стал нервно шагать по комнате, то и дело стучаясь лбом о прозрачные стенки стеклянной клетки.

— А вы помните, какая печать была на папке с докладом? — спросил издававший виды президент. — Просто "Секретно" или "Строго секретно"?

— Никак не припомню, господин президент, — развел руками секретарь. — Конечно, там были секретные данные...

— Я уверен, что с вашего доклада уже сняты копии, — горестно покачал головой президент. Если на папке был поставлен штампель "секретно", то доклад будет опубликован завтра под предлогом "удовлетворения конституционного права публики все знать". Если же там была печать "строго секретно", то текст доклада возможно появится уже сегодня в вечерних газетах. Теперь творится черт знает что! Мне приходится изодраться в уловках, вести тайную дипломатию, ублажать склеротиков, сидящих в Конгрессе... Как в таких условиях поставить советчиков на свое место, не вызывая шума?

Тут затрещал сигнал, загорелся огонек над замаскированной дверью и в кабинет влетел агент Эф-Би-Ай с пропавшим чемоданчиком, забытым секретарем в машине.

Облегченно вздохнув и убедившись, что из чемоданчика ничего не пропало, госсекретарь вынул свой доклад и стал читать:

— ... Среди лунных жителей, недавно перебравшихся туда из перенаселенных городов Земли, и занятых обслуживанием нашей базы, появились революционеры, пытающиеся установить на Луне "народную демократию"... Советский Союз, вопреки политике разрядки посылает им оружие и боеприпасы... Необходимо прекратить это безобразие, — он в сердцах стукнул кулаком по столу. — Предлагаю предъявить этим бандитам ультимативное требование перестать вооружать партизан на нашей Луне.

Дремавший Президент подскочил на стуле.

— Ультиматум? Вы с ума сошли? Без согласия Конгресса? Да либералы меня заклюют. Как можно рисковать войной из-за какой-то луны, раз мы не рискнули из-за Африки и Азии?!

— Войной мы не рискуем, потому что они боятся ее пуще нас.

Надо выдумать уловку, чтобы перехитрить трусов и либералов в Конгрессе, — предложил государственный секретарь. — Ультиматум Советскому Союзу можно бы предъявить тайно, не посвящая пока в это дело болтунов... и отнюдь никому не угрожая войной. Например, вы, господин президент, могли бы послать генсеку Прежнему, в Москву, неофициальное письмо с дружеским предупреждением, чтобы не ставил нам палки в колеса на Луне. Иначе мы устроим ему какую-нибудь каверзу на Земле. Скажем, отменим культурный обмен...

— Тоже нашли чем их напугать? — рассмеялся президент. — Советчики больше заинтересованы в выпивке, чем в культурном обмене. Вот, если бы мы могли каким-нибудь образом лишить их водки, этим мы бы их заделали за большое место. Кстати, из чего, по-вашему, делается водка? ?

— Откуда я знаю? Кажется, из картофеля, зерна...

— А мы советчикам продаем зерно, да еще в кредит. Из зерна они гонят водку и спаивают свое население, порядочно на этом зарабатывая. На вырученные деньги они поддерживают так называемые "освободительные войны" во всем мире, в том числе и на Луне... Своего же хлеба из колхозов им не хватает даже на пропитание собственного населения. Если пригрозить отказом поставлять им хлеб, они должны будут пойти на уступки.

— Обязательно пойдут на попятную, — обрадовался госсекретарь. — Так что валяйте генсеку тайный ультиматум. Только так дипломатично составте, чтобы комар носа не подточил. Объясните ему, что мы с вами имеем еще право приостановить продажу хлеба, если он не перестанет слять оружие нашим врагам.

Недолго думая, президент сел за машинку и накатал генсеку Прежнему личное послание, содержащее завуалированный ультиматум.

Затем, чтобы письмо не было перехвачено шпионами, он решил выслать его не с дипломатической почтой, а простой. Заадресовав послание Генеральному Секретарю КПСС — Л. Прежнему — Кремль — Москва — СССР, он наклеил на конверте марку воздушной почты и поручил государственному секретарю собственноручно опустить письмо в ближайший почтовый ящик.

... С пусковой площадки в Сибири должны были одновременно вылететь две ракеты с космонавтами. На одной был груз оружия и взрывчатых веществ для партизан на Луне, а другая была нагружена землечерпалками и бульдозерами для углубления каналов на Марсе.

В ожидании небывалого в мире запуска двух ракет сразу, в Кремле собрались советские вожди, чтобы выпить за успешное выполнение космонавтами их задания.

— Выкинем, товарищи, империалистов к чертовой бабушке с Луны, — воскликнул генсек, опрокидывая двести грамм — Там можно будет устроить показательные трудовые лагеря.

Затем он обратился к своему личному секу:

— А ну, братец, звякни в Байконур, узнай, вылетели ли уже наши ребята куда было приказано!

Сек генсека позвонил партсеку на запускной площадке и со смущением доложил верховному секу:

— Вылетели... то, они вы...летели, Леонид Ильич, но ра...ракета с оружием для лу...лунников ... полетела на Марс, а другая, с землечерпалками — на Луну.

— Как так? — брови Ильича от изумления полезли на лоб. — Почему землечерпалки на Луну, а оружие на Марс? Какая-то чепуха! Саботаж!

— По-видимому, про...программики перепутали, выпимши, — пробормотал сек генсека и грохнулся под стол.

— Пьяницы все, головотяпы! — рассердился глава КПСС, — Посадить их всех... Программщиков немедленно, а космонавтов, когда вернутся на землю.

В этот момент генсека срочно вызвали к телефону. Из Разведупра ему сообщили, что в американских газетах опубликован тайный доклад госсекретаря США о советских транспортах оружия для партизан на Луне... В докладе рекомендуется предъявить Советскому Союзу ультимативное требование прекратить снабжение партизан советским оружием... По слухам президент такой ультиматум уже выслал, хотя он это категорически отрицает...

— У...ультиматум?— пробормотал Ильич, вешая трубку.— Вот этого я никак не ожидал. Неужели их трусливый президент способен на такой шаг? Но я ведь не получил никакого ультиматума от американцев.

— А что, если... они действительно откажутся продавать нам зерно? — залепетал, побледнев, министр сельского хозяйства.— Что тогда п...пить будем?

— Товарищи: — оправился от шока генсек. — По-видимому, это очередная газетная утка империалистической прессы. Клевета на миролюбивый Советский Союз. Ведь всему миру известно, что мы никому не посылаем оружия, тем более в межпланетное пространство. Доказательство налицо: одни наши космонавты летят на Луну с землечерпалками, а другие на Марс с динамитными шашками для рытья там каналов, как оно и было запланировано. Так что угрожать нам ультиматумом бессмысленно... Наша совесть чиста...

На пресс-конференции в Вашингтоне президент решительно заявил:

— Никакого ультиматума я не высылал. Ни тайного, ни явного... С докладом государственного секретаря я ознакомился, но никаких решений не принял. Кроме того, в ультиматуме нет нужды. По сведениям нашей электронной разведки в советской ракете, летящей на Луну, находятся не боеприпасы для партизан, а землечерпалки. Так что причин для паники нет...

Президент отнюдь не врал, утверждая, что он ультиматума не высылал. По рассеянности госсекретарь забыл опустить письмо в почтовый ящик и признался в этом президенту лишь на следующий день, когда в Конгрессе началась буря из-за опубликованного газетами тайного доклада.

— Одного лишь не понимаю: почему советчики пошли на попятную? — недоумевал Президент, сжигая в камине злополучное письмо, — Неужели они испугались одного намека на то, что мы способны прекратить поставки хлеба?

БДИТЕЛЬ

Из-за расхлябанности и непростительного попустительства либеральных правительств свободных стран, в XXI-ом столетии почти весь мир очутился во власти марксистов и сразу не стало жизни на земле. Это не железный занавес опустился, а прямо-таки настал новый ледниковый период. . .

... В кухне коммунальной квартиры в одной из западных стран сидел худой старик и не сводил голодных глаз с котелка на плите, в котором аппетитно булькал суп из протеинового концентрата. Это был бывший владелец квартиры, ставший при новом режиме "лишним человеком". Звали его Петр Иванович Морозов и был он потомком одного из старых эмигрантов из Советской России, бежавшего на Запад еще в прошлом столетии.

Рядом с ним сидел за столом его пятнадцатилетний внук Павел и распивал бутылку пива, полученную им от одного учреждения в награду за разоблачения врагов народа. Не сняв даже кепки с головы, он сидел развалившись на стуле и держался индифферентно по отношению к старику. Он был членом комсомола и в порядке партнагрузки должен был следить, чтобы его старорежимный дед часом не выхлебал из котелка варева, предназначенного на ужин для всего коллектива жильцов.

Пользуясь тем, что в кухне не было посторонних, Петр Иванович пытался обратить внука на путь истины, рассказывая ему как жилось в старое доброе время, когда миром управляли империалисты и акулы Волстрига:

— . . . Магазины ломались от продуктов, детка, — вспоминал он, глотая слюнки. — Всего было вдоволь и все было дешево и всем доступно. И никаких очередей . . . Не то что теперь . . .

Павел слушал рассказы своего политически отсталого предка с недоверчивой и презрительной улыбкой.

— заливаешь, дедка, — буркнул он, смачно сплевывая на пол. — Это безответственная трепня, что тогда всего было вдоволь и не было очередей перед продмагазинами. На уроках политграмоты нам говорили, что при капитализме трудящиеся жили впроголодь

и буквально пухли от голода. Погляди на старые фотографии рабочих того времени — у всех животы как бочки.

— Это потому, что черезчур много ели, детка, — улыбнулся наивности юноши Петр Иванович.

— А почему же тогда считалось, что очень выгодно быть городским уборщиком? Ведь у них была тяжелая и грязная работа, которую теперь исполняют неквалифицированные простые бабы.

— Потому, детка, что уборщики, не в пример твоим бабам, состояли в юнионах и, работая спустя рукава, зарабатывали больше университетских профессоров.

Мальчуган презрительно хихикнул.

— Хи... хи... так я тебе и поверил, дедка, Нам разъяснили, что при капитализме безработные шли работать мусорщиками в надежде найти среди отбросов что-либо съестное и спасти от голодной смерти своих детей...

— Сплошное вранье — ваша политграмота, — взорвало Петра Ивановича. — На самом деле рабочие тогда ели от пуза, да и безработные не голодали, получая пособие. Было сколько угодно колбасы, ветчины, котлет... и все из настоящего мяса, а не из перемолотых рыбьих костей и водорослей как теперь. Молоко было от живых коров, а не из реторт... Сметана, сыры, масло сливочное... Теперь все это делается из отбросов, химически...

— Прогресс, дедка! Теперь все продукты производятся на заводах, — поучительным тоном сказал паренек. Масло, сыр, мясо, яичный порошок — все синтетическое. На фермах уже не разводят больше коров, кур, свиней... Ну их к свиньям собачьим! Теперь у нас индус... индустриализация. Одним словом — прогресс.

— Знаю я ваш прогресс, — кипятился старик. — Стоило только коммунистам организовать колхозы, как все куры и коровы сразу передохли. Поневоле человечеству пришлось перейти на синтетические котлеты, супы из концентрата, протеиновые пилюли... А имеющиеся в особых распределителях настоящие продукты идут на стол лишь партийным. При капиталистах такого не было.

— Мало ли чего не было у капиталистов? — возразил молодой активист, закулив козью ножку из махорки и пуская дым в лицо дедушке. — Наизобрели они уйму всяких приборов, электронных

аппаратов, но чтобы построить, например, вот такую штуку, у империалистов не хватило смекалки.

С этими словами Павел вытянул из кармана маленький аппаратик вроде транзисторного радио с антенной в виде заячьих ушей и, шелкнув выключателем, поставил аппарат на полку рядом с пустыми жестянками из-под сахара и синтетических круп.

Морозов страдальчески поморщился, ожидая, что из репродуктора польются звуки Интернационала или набившие оскомину коммунистические лозунги.

Чего бы только не дал старик, чтобы вместо этой пропагандной дребедени услышать веселое бречанье электрических гитар, ритмическое тарачение барабанов, отрывистые синкопы джазовой музыки и запрещенные при новом режиме негритянские песенки, навевающие приятные воспоминания беззаботного детства в прошлом столетии, когда все было позволено и никто не замечал надвигающихся на свободный мир ледников...

Однако, аппаратик не разразился ни осточертевшим Интернационалом ни легкомысленным "рок-эн-ролом". Аппаратик молчал, еле слышно потрескивая мембраной.

Петр Иванович вопросительно посмотрел на внука.

— Это ... это аппарат для очистки атмосферы, дедка, — уклончиво пробормотал тот, принимаясь мешать длинной ложкой в котле с варевом из концентрата. — Называется "Бдитель" ... Слушает, нюхает, смотрит и все на ус мотаает. Когда ат... атмосфера становится невмоготу, трезвонит как будильник. Сам знает что и как ... Но ты, дедка, не обращай на него внимания. Пусть себе шипит на полке, а ты дальше рассказывай сказки, как чудесно жилось при капитализме. И так не поверю. Прогресс возможен только при коммунизме ...

Тут он добыл из шкафчика полбутылки водки, налил себе сто грамм в стаканчик и опрокинул в рот даже не поморщившись.

Старик Морозов сорвался с места и затопал ногами.

— Дуралей! Сопляк! Кто тебе позволил водку дуть? Воображаешь, что раз ты в комсомоле, так тебе все позволено? ... Вот до чего довела молодежь проклятые коммунисты! А еще рассуждаешь о прогрессе ... Какой же это прогресс, если народ голоден, ходит в рваных штанах и дырявых ботинках?

— А ты лучше помалкивай и не трепись понапрасну, дедка! — угрожающе прошипел милый юноша, прислушиваясь к шипению аппарата на полке. — Ведь при капитализме многие молодые люди ходили в рваных штанах с заплатками и в бахроме... Не так ли?

— Это правда... ходили. Только не потому, что не могли себе позволить приобрести новые брюки, а потому что была такая дурацкая мода, чтобы щеголять в нарочно обтрепанных джинсах с нашитыми разноцветными заплатами. С жиру бесились...

Павел свистнул протяжно.

— Ишь ты! Горазд врать. Но меня не проведешь. Ведь всему миру известно, что капиталисты эксплуатировали народ и у него не хватало на приличную одежду. Ну, довольно, дедка. Суп, кажется, готов. На! Попробуй!

Он поднес под нос Петру Ивановичу ложку с дымящейся похлебкой.

Забыв о споре, старик с жадностью схватил ложку и, подув на горячее варево, со вкусом ее облизал. И сразу потянулся за новой пробой, но Павел вырвал ему ложку из рук.

— Хватит, дедка! Этак ты готов все вылизать дочиста, а я потом отдувайся перед жильцами за нехватку. Потом получишь, что останется...

— До чего дожил! — возмутился Морозов. — Внук жалеет лишнюю ложку похлебки своему старому дедушке. Ладно, мели Емеля, твоя неделя! Валяй во всю. Не стесняйся. Поставь погромче свое радио-рыкало. Пусть шпарит ваш собачий Интернационал! Почему оно молчит? Все шипит как змея подколодная...

— Хи... хи... может быть, оно недовольно твоей безответственной трепней. По твоему выходит, что во всем виноваты коммунисты, а империалисты всегда были паиньки, да?

— Паиньки, не паиньки, а недалювидные дураки. В погоне за наживой продали советчикам веревку, на которой те их и повесили. Вот и жрем теперь котлеты из водорослей, синтетический суп. В магазинах ничего нет... Очереди за хлебом из жмыхов... Коммунальные квартиры... А пикнуть против не смей, а то донесут. Ведь теперь всюду сексоты... все подслушивают.

Тут Петр Иванович вскочил и кинулся в коридор проверить, не подслушивает ли их кто за дверью? Убедившись, что там никого нет, он вернулся в кухню и продолжал успокоенный:

— Правда, подслушать мало. Надо еще доказать, что ты говорил против режима. Хотя теперь ведь полное беззаконие. Кого

органы захотят ударить, всегда палку найдут... Возьмут и запросто погонят куда Макар телят не гонял. Правда, сам Макар уже давно раскулачен, да и живых телят больше нет... Чтoб подавило проклятых коммунистов! Если бы мог, собрал бы их всех в одну кучу и бросил на них атомную бомбу. Сразу стало бы легче жить на земле.

Тут аппарат на полке перестал шипеть, точно остолбенев от удивления, затем спохватившись, пронзительно затрещивал. Павел сорвался с места и заткнул ему глотку.

— Вот и доигрался, дедка, — сказал он, пряча аппарат в карман. — Предупреждал же: не трепись понапрасну. Ты думал, что "Бдитель" это радио, а на самом деле это хитрый компьютер, который выводит на чистую воду скрытых врагов народа. Он записывает все что услышит и автоматически определяет степень их враждебности к социалистическому строю. Раз он трезвонит, значит враг обнаружен и следует его передать в руки органов. Ты у меня сегодня третий, который попался когда трепался... Очень жаль, дедка, но мне придется на тебя капнуть. Это мой долг перед партией и правительством, доверившими мне этот детектор антикоммунизма.

Павел опять налил себе сто грамм в стаканчик и, опрокинув его в рот, закусил лепешкой из синтетической муки.

— Теперь я вижу, дедка, что ты действительно вредный отсталый элемент, которому не должно быть места в новом безклассовом обществе, — пробормотал он, нахлобучивая кепчонку поглубже на голову. — Таких мы обязаны подбирать под ноготь.

Пошатываясь, он подошел к плите, потушил огонь и отставил в сторону котелок с похлебкой.

— Сиди здесь, дедка, и не рыпайся никуда. Сейчас за тобой придут, — кинул он, заплетающимся шагом направляясь к выходу.

Петр Иванович сидел ни жив ни мертв.

— Павлик, не смей доносить! — крикнул он в отчаянии. — Пожалеи своего старого бедного дедушку! Не ходи никуда! Вернись!

Случайно его взгляд упал на забытый внуком котелок с ужином для жильцов квартиры. Точно подброшенный пружиной, проголодавшийся старик кинулся к плите и, схватив ложку, стал жадно хлебать протеиновую кашу, обжигаясь и обливая себе рубаху жижей.

— Павлик, вернись, — крикнул он вдогонку внуку, давясь горячей похлебкой. — Не доноси на меня! Слышишь, Павлик Морозов?!

НЭП ПЛАНЕТА

Интервью с футурологом, профессором Нострадамовичем

Вопрос: "По мнению ученых нашей планете грозит перенаселение. Неужели в будущем столетии на земле не хватит места для новых поколений?"

Ответ: "В прошлом мудрая природа регулировала численность населения земли посредством голода, мора, войн... Будьте покойники! Перенаселение нам не грозит. Теперь у нас к старым бедствиям прибавилось новое — грядущий коммунизм, и он почище чумы сумеет справиться с заданием уменьшения количества людей на земле."

СОВЕТСКИЕ специалисты по научной фантастике определенно звезд с неба не хватают — даже свои романы о будущем они стряпают в духе соцреализма. Все их герои — космонавты и ученые — как на подбор твердокаменные коммунисты, только и думают, что о строительстве социализма на далеких планетах и разговаривают друг с другом языком передовиц «Правды» или «Известий».

А что бы сказали эти сочинители, если бы услышали неправдоподобную историю из далекого будущего о том, как эти самые твердокаменные коммунисты будут строить на одной из планет не социализм, а самый махровый капитализм. Да еще вполне официально, по поручению Совета Министров СССР от числа такого-то года двухтысячного такого-то...

Не будем подробно описывать, как в последней четверти XX столетия Советский Союз стал исподтишка, тихой сапой прибираться к рукам одну страну за другой. Забив себе голову политическими распрями, американцы прозевали распространение коммунизма не только в дружественных странах, но и в своей собственной. Под видом либеральных реформаторов в Белый Дом и Конгресс пробрались лохматые революционеры, послушные московской указке.

За одну ночь все перевернулось вверх тормашками в благословенной Америке. Беспечных финансистов, которые своими миллиардами помогли Советскому Союзу застроить Сибирь, новая власть выслала в ту же Сибирь этапным порядком, дальше ее застраивать... Десять тысяч чинов американской армии были приглашены провести лето в России, в лагерях близ Катыни.

Многие из наболевших вопросов американской жизни были разрешены одним махом: инфляция прекратилась ввиду того, что доллары были аннулированы и заменены долларами. Дороговизна канула в вечность вместе с товарами. Бандитизм пошел на убыль, так как бандиты и убийцы предпочли поступать на государственную службу в американский КГБ. Обыватели стали по ночам пугаться стука в двери. Зато никто больше не боялся выходить ночью на улицу — там было безопаснее, чем дома.

Фермерские хозяйства были насильно превращены в колхозы, их владельцы сосланы, а хозяйничать стали недоучки и хиппи. Во всей Северной Америке сразу начались неурожаи, бури и засухи, даже там, где до сих пор эти бедствия никогда не случались. В Аргентинской АССР были введены карточки на мясо, в Бразильской — на кофе и бананы. В Австралии катастрофически уменьшилось поголовье овец. Там стали есть даже кроликов, но и они, с приходом к власти коммунистов, точно провалились сквозь землю. В Германии Железный Занавес был разобран окрестными жителями и продан Польше за несколько вагонов картошки.

Начинался всемирный голод, а покупать хлеб было не у кого. Как было сказано, во всем мире хозяйничали коммунисты.

Так было в сравнительно сытом XX столетии. В XXI же веке стало еще хуже. Люди на земле вымирали миллионами. Когда все рыбы были выловлены из океанов, вся трава на полях выщипана и кора на деревьях обгрызена голодающими населением, коммунистические заправилы задумали посылать разведывательные ракеты в межзвездное пространство в поисках хлебных планет.

Началась великая эра покорения вселенной голодными советскими космонавтами. Приземляясь на какой-нибудь новой планете, они первым делом спрашивали жестами ее

пузатых и лупоглазых жителей, не имеется ли у них чего пошамать. Наевшись, они принимались за пропаганду — сулили инопланетянам дружескую и безкорыстную помощь великого Советского Союза. раздавали им картинки, изображавшие привольную и сытую жизнь на Земле, и улетали назад, набив ракету до отказа съестными продуктами.

После них на новую планету прибывали отряды войск МВД, политруки, плановики и просто бюрократы. Отъевшись и отдохнув, они организовывали на новой звезде коллективные хозяйства и перестраивали всю экономику на социалистический лад. В результате этих мероприятий на планете исчезли продукты и начинался голод. Для усмирения взбунтовавшихся инопланетян посылались новые войска КГБ. Приговоренных на разные сроки несчастных жителей перевозили на Марс чинить каналы, или на Уран добывать урановую руду.

По мере освоения новых звезд у Советского Союза становилось все больше и больше спутников; особенно много их стало после завоевания Сатурна и Юпитера с их многочисленными спутниками. Но хлеба от этого не прибавилось.

Большие надежды на увеличение пищевых ресурсов возникли было в связи с покорением Млечного Пути с его высоко развитым молочным хозяйством. Однако, после того, как там обычным бюрократическим путем были организованы колхозы, на всех планетах Млечного Пути стала ощу-

щаться нехватка молочных продуктов. А названо было созвездие — «Путь Ильича».

Становилось ясно, что социалистические методы ни к черту не годятся и их пора сдать в архив. Однако сила мертвой буквы и органический страх перед органами заставляли бюрократов молчать, поджав хвост. Даже на верхушке партии никто не осмеливался признаться, что «король-то голый». В конце концов на этот рискованный шаг решился не кто иной, как генеральный секретарь КПСС — тов. Хрущев. На чрезвычайном заседании Политбюро, сняв с ноги ботинок и постучав им вместо молотка, по столу, он заявил:

— Товарищи, как вам известно, подвалы у нас полны отобранного у бывших капиталистов золота, а вот в закромах — хоть шаром покати. Скоро даже нам жрать будет нечего. С голодухи все так и передохнем. А откуда взять хлебушка-то? Где можно было изъять — изъяли. А теперь купили бы, да не у кого.

— Повысить политическую сознательность колхозников — крикнул с надрывом один из твердолобых.

— Увеличить поставки хлеба с братских планет — просюсюкал генерал межпланетных войск. — Пусть дадут продукцию, или дохнут.

— К свиньям собачьим ваши советы — вежливо возразил председатель — я созвал вас, товарищи, не для того, чтобы молоть пропагандную чушь, а затем, чтобы раскинуть мозгами и сообразить насчет жратвы. Что мы тут будем

втирать друг другу очки. Подкачали наши колхозы, вот что! Хлеба от них как от козла молока. Если бы не приусадебные участки, то бы все с голоду подошли. Но разве из этого следует, что надо нам здесь, на Земле расширять эти самые участки? Возродить у нас капитализм и частную собственность? Пустить великие завоевания революции псу под хвост? Да это, товарищи, было бы вроде того, как насыпать себе самим вшей за шиворот. Нет, товарищи, возрождения капитализма у нас мы не допустим. Но другое дело на далеких планетах.

Тут генсек сделал драматическую паузу, затем продолжал:

— В виде эксперимента можно бы попробовать восстановить капитализм и частную форму собственности на какой-нибудь далекой планете.

Члены Политбюро раскрыли рты от удивления.

— Закачаетесь — продолжал тов. Хрущев. — План у меня такой: надо создать на одной из новооткрытых звезд частные хозяйства, вроде наших приусадебных участков, лишь в планетарном масштабе, так, чтобы мы могли всегда там достать хлеба сколько понадобится. Да разных товаров.

Недавно наши ударники космонавты открыли вполне подходящую планетишку в созвездии какой-то Ведьмедицы, где никогда не слышали ни о социализме, ни о коммунизме, хозяйничают по-старинке и, стало быть, хлеба и сала у них хоть завались.

— Кулаки проклятые, — прохрипел твердокаменный, облизываясь. — Послать туда комиссию по изъятию излишков... организовать колхозы...

— Протянуть им руку братской помощи, — пропыхтел генерал. — Выслать туда особые части КГБ.

— Пошли вы все к чертовой бабушке, — отклонил их предложения председатель. — Безусловно, руку им протянуть придется, а то мы тут ноги протянем. Однако, не забудьте, товарищи, одно: если мы этак с бухты барахты начнем строить там социализм и организовывать коллективные хозяйства, то повторится история молочного, то есть Млечного Пути. Не увидать нам оттуда хлеба как своих ушей. Нет, товарищи. С тамошними кулаками и частниками надо поступать деликатно. Нехай себе живут как хотят и погрязают в капиталистическом болоте. Пусть жиреют, лишь бы нам хлеб давали. Планета большая, земля там урожайная, всего вдоволь. Назовем ее «Несоциалистической Экспериментальной Производственной Планетой», сокращенно «НЭП Планетой». А чтобы нашим не было повадно, она будет засекречена. Давайте, не будем вмешиваться в их политическую жизнь. Пес с ними. Будем даже терпеть их мелкобуржуазные свободы и так называемую свободную прессу. Но никаких недружелюбных выходов против нас мы не потерпим. В случае чего, прихлопнем их, как клопа.

Для пущей убедительности генсек хлопнул ботинком по столу.

Таким образом в созвездии голодных и подневольных социалистических планет появилась одна сытая и свободная. Из тюрем и лагерей на Земле, Марсе и Уране были освобождены все бывшие фермеры и дельцы, осужденные за спекуляцию, и в спешном порядке брошены на НЭП Планету в помощь местным предпринимателям. От них требовалось лишь одно: производить как можно больше товаров и съестных продуктов для экспорта. «Обогащайтесь, — было им сказано, — и никто вас не гронет. Только не говорите об этом обитателям других планет».

НЭПпланетяне не заставляли повторять обещаний, принялись за работу и стали обогащаться. Вскоре, без пятилетних планов, авралов, посевных и производственных кампаний, хозяйственная мощь молодой планеты возросла настолько, что она могла снабжать всем необходимым не только Землю, но и другие планеты. В сопровождении огромных товарных ракет на НЭП Планету стали летать закупочные комиссии из Москвы за дефицитными товарами и зерном. Расплачиваться советчикам приходилось золотом или редкими металлами, так как НЭПпланетяне, зная о горьком опыте американцев в конце XX столетия, ничего не давали в кредит.

Несмотря на то, что НЭП Планета находилась в орбите влияния Советского Союза, его представители должны бы-

ли вести себя ниже травы, тише воды. Им было строго-настрого запрещено проводить на планете коммунистическую пропаганду и агитировать в пользу коллективизации. Было запрещено даже распространение марксистской литературы, чтобы тамошние пролетарии сдуру не устроили случайно революции и, не дай Бог, не задумали заводить у себя социалистические порядки.

Первое время о существовании НЭП Планеты знали лишь немногие высшие партийцы и их жены, летавшие туда за покупками. Рядовым гражданам не полагалось знать об успехах капиталистической экономики, к тому же созданной и поощряемой самой коммунистической партией.

Однако, благодаря распространению во всем мире тайных самиздатовских журналов, население остальных планет узнало о существовании НЭП Планеты. Тогда коммунистическая пропаганда стала утверждать, что там царит голод и нищета, что там еще хуже, чем на Земле. Опять самиздатским журналам пришлось рассказывать не только о дешевизне и обилии товаров на этой планете, но и о настоящей, а не липовой свободе ее жителей.

А дальше что? «Темна вода во облацех». Однако мы уверены, что победное шествие свободы во вселенной со временем достигнет Земли, главным образом России. Как это произойдет и когда — это совершенно другая история. Но об этом советские «научные фантасты» никогда не рассказут.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
ПРАВДОПОДОБНЫЕ ИСТОРИИ	
Панна Ирена.....	4
Счастливчик	12
Мистер Питэр.....	18
Гражданин мира	25
Надо быть паинькой!	32
Рабы шахматной королевы	37
Завтрашняя газета	47
Операция ДАЗДРАВШ	50
Клиника возвращения молодости	56
НЕПРАВДОПОДОБНЫЕ ИСТОРИИ	
Электронная утешительница	63
Автоматические запикиватели пассажиров.....	70
Дверь с фокусами	76
Тайный ультиматум	81
Бдитель	86
НЭП планета	91

